ДНЕВНОЙ СВЕТ

ДНЕВНОЙ СВЕТ

Александр Андреев

Игорь Нерцев

Александр Рытов

ДНЕВНОЙ СВЕТ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

ББК 84.Р7
Д54

Художник М. Е. Новиков

Д $\frac{4702010202—029}{083(02)—88}$ 185—88

ISBN 5—265—00265—0

ТРИ ПОЭТА

В одной книжке, под одной обложкой — стихи трех поэтов.

И сразу скажу: поэты они разные, несхожие. Ибо все трое были людьми талантливыми, и потому каждый из них шел в поэзии своим путем. У каждого из них — и у Александра Андреева (1923—1960), и у Игоря Нерцева (1933—1975), и у Александра Рытова (1934—1974) — свое лицо, свой поэтический голос, свое проникновение в мир, свои творческие поиски и находки.

И каждый любитель поэзии, впервые раскрывший эту книжку, вправе оценить и понять каждого из трех по-своему: кому-то сразу запомнятся стихи Андреева — многосторонние по тематике и в то же время сердечно-доверительные, очень ленинградские по духу; кому-то больше придется по душе благородная сдержанность и некая непредумышленная архаичность стихов Нерцева; а кого-то взволнует искренняя, задушевная, но без привкуса сентиментальности лирика Рытова.

Что же объединяет этих трех разных поэтов?

Во-первых, одно печальное обстоятельство: все трое умерли рано, не успев осуществить в полной мере всего того, чего они ждали от своего таланта и чего их талант ожидал от них.

А во-вторых, их роднит то, что хоть жили они и недолго, а все же успели сказать каждый свое слово, успели при жизни порадовать читателей своими книгами. И то, что они успели создать, не затерялось, вошло — пусть малой частицей — в современную советскую литературу. Небольшие сборники и отдельные журнальные публикации их стихотворений вызвали в свое время добрые отклики и любителей поэзии, и критиков.

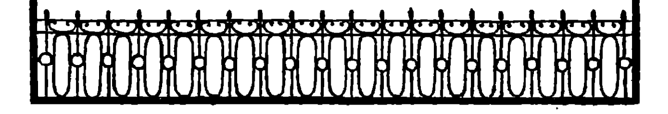
Самое жесткое, самое неподкупное испытание для всякого искусства — это испытание временем. А в наши дни — тем более, ибо и планета, и Родина наша живут жизнью сложной и напряженной, и бег времени все убыстряется.

Однако подлинное искусство не стареет, оно всегда современно. И в лучших стихах Александра Андреева, Игоря Нерцева и Александра Рытова нынешний читатель найдет немало ответов на то, что волнует его сегодня,— и мысленно поблагодарит их за добрый и честный труд, воплотившийся в строки.

Да, поэтов этих нет в живых. Но стихи их живы для живущих. И книга эта — не надгробный памятник, а пропуск в наше сегодня и наше завтра.

Вадим Шефнер

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВ



В поэзии уже был один Александр Прокофьев, и потому Александр Прокофьев-сын (университетское прозвание Фис, что по-французски и означает «сын») взял себе псевдоним: Александр Андреев. Ему было непросто жить и писать под давлением таланта и славы отца. Как человек он был скромен и безупречен. Как поэт он понимал, что нужно выбираться на свою дорогу.

В сороковые — пятидесятые годы нередко существовало разделение стихов на печатные и «для себя». Это заблуждение дорого стоило и поэтам, и читателям. Но закономерно получалось так, что стихи для себя, для друзей зачастую были идейно и художественно значительнее — в них свободнее выявлялись общественная правда, мировосприятие определенного социального круга и личность самого поэта.

Саня Прокофьев был для нас, студентов филфака сороковых годов, прежде всего автором множества экспромтов, эпиграмм, смелых публицистических стихов, веселых и иронических песен...

Он всегда писал с удовольствием. Литература, поэзия были для него не просто делом жизни — это была сама его жизнь. Он много переводил, знал французский и другие языки. В аспирантуре Пушкинского Дома подготовил диссертацию, но защищать не захотел... В 1959 году выпустил книжечку стихов «Звезда поколений», вторая — «Солнце Ленинграда» — вышла посмертно...

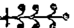
Родился Александр Александрович Прокофьев 13 апреля 1923 года. В 1941-м поступил в Ленинградский университет. Был на окопных работах. Пробовал попасть в армию — не взяли из-за плохого зрения. В эвакуации жил в Ташкенте. Вернулся домой в 1944 году...

Скончался он внезапно, неожиданно для всех 10 января 1960 года. Горько было прощаться с ним на Серафимовском кладбище. Это был добрый, веселый, разносторонне образованный человек, далеко не реализовавший себя.

Владимир Бахтин

* * *

Во имя правды назови
Все, что увидишь ты.
Смотри, какие на крови
Красивые цветы,
Какая жирная трава
Растет по краю рва,
На дне воронки навсегда
Застыла горькая вода.
Сильнее солнечных лучей
Тоска среди глухих ночей.
Хлебни глоток и стань мудрей:
То слезы матерей.



* * *

Что тебе сказать, однако?
Ставить сердце просто на кон —
Понимаешь, это тоже
Надо как-нибудь суметь.

Кто-то жил от сводки к сводке,
Кто-то жил от водки к водке,
Кто-то выжил, кто-то дожил,
Кто-то где-то встретил смерть.

Что тебе сказать, однако?
Можно петь и можно плакать —
Боль и радость закрывают,
Точно панцирем, слова.

Если помнить все потери —
Ничему не станешь верить,
И никто теперь не знает,
Сколько будет дважды два.

* * *

Мне опять в глаза смотрели зори,
Что весной пылали до утра.
Пробирались к Ладоге от моря
Где-то подгулявшие ветра.

Пламя неуверенное спички
Прячется в ладони и дрожит,
Жмурятся на солнце с непривычки
Верхние шестые этажи.

Зябко от предутренних туманов,
А сведут еще не скоро мост.
Но весной встают хозяйки рано —
Только солнце раньше поднялось.

Мне его за крышами не видно,
Но за блеском солнечных лучей
Вдруг открылось прямо и бесстыдно
Темнотою скрытое ночей.

Ветер кружит, падает и свищет
На пути-дороги впереди,
Скорчившись, храпит у церкви нищий,
Запахнув лохмотья на груди.

Я иду дорогою знакомой,
Мне не надо снов, коль не сбылись.
Очередь с версту у гастронома —
Все ж хозяйки раньше поднялись.

Взгляд осоловелый проститутки —
Много стопок выпито до дна.
Дом без крыши, молчаливо жуткий,—
Проживает в нем еще война.

Город спит, намаявшись в работе.
Где-то за гардинами, впотьмах,
Мечется по комнате в фокстроте
Радио, сошедшее с ума.

Сколько же на свете несчастливых,
Ко всему привыкших за года,
Сколько же на свете некрасивых —
Разве это не было всегда?

Проходя от края и до края
Долгий путь в такой недолгий век,
Справедливым истинам внимая,
На земле томится человек.

Злыми станут ласковые дети,
Сказанного слова не поймут,
Потому что кто-то не ответил
На сто тысяч этих «почему».

Кто-нибудь меня еще обманет,
А судьбу на мелочь разменяв,
«Или, или, лима савахвани?!»*—
Может, завтра спросит кто меня.

---

* «Отец, отец, зачем меня оставил?!» *(Библ.)*

Сердце шаг чеканит громче меди,
Красный цвет пронизывает тьму.
Эту вечность маленьких трагедий
Не могу принять и не пойму.

Оттого ли, позабыв по праву
Обо всем, что ждало столько лет,
Упаду я где-нибудь в канаву:
Мало конституций, бога нет!

УТЕШЕНИЕ

Небрежен ветер: вечной книги жизни
Не той страницей мог он шевельнуть.

Небрежен ветер старого Хайяма.
Прощу ему и то, что он лукав,
За шелест волн и тихий голос трав,
За все, что ждал напрасно и упрямо.

Небрежен ветер, многое узнав
(Ему преградой горы, а не яма).
Идя всегда своей дорогой прямо,
Перелистал еще одну из глав.

Я не жалею и не затоскую:
Глава закрыта — разверну другую.
Дни вереницей мчатся... Налегке

Не простужусь я, встав на сквозняке,—
Здесь только ветер, добрый мой знакомый,
За ним весь мир, бесслезный и огромный.

ДЖОРДАНО БРУНО́

Кровавое солнце упало в окно —
Горит на костре Джордано Бруно́,
Мой друг, мой учитель, мой брат.
А дома, а дома повсюду темно,
Над книгами пыль оседает давно,
И сердце, и разум молчат.
Горит на костре Джордано Бруно,
В стакане, как пламя, сверкает вино —
Палач, за здоровье твое!
Мне будет ли это, не будет виной,
Я есть на сегодня — потом все равно.
За вечное за бытие!
Пусть судят другие — себя не виню,
Я думы, я мысли его сохраню
От этого злого огня.
Надену на плечи смиренья броню,
Сомненья в другие сердца зароню —
Потом оправдают меня.
Горит на костре мой учитель и брат,
Я знаю: века, словно дым, улетят
И солнце пробьется сквозь тьму.
Нет смерти для правды, нет правде преград,
И мысли Джордано в огне не сгорят,
Завидовать будут ему.

А я, береженый, стою в стороне,
Вину потопить захотелось в вине —
Ан все ж выплывает со дна.
Кровавое солнце пылает в окне —
Мы стать этой силы могли бы сильней,
Наверно, не так и сильна.
А если не прав он, и пламя костра —
Правдивое пламя?
Ведь правда остра
И судьи — разумные люди.
Мне страшно от горечи многих утрат,
Скорей бы дождаться утра,
Пусть будет, что будет!

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Над миром ночь, над миром страх,
А в мире царствует монах.
Он запретил уметь и знать,
Он жизнью смерть велит считать.
Во имя высшей из свобод
Он в цепи заковал народ.
Он глушит звонами церквей,
Он ищет совести моей,
Он книги, те, что я любил,
На палимпсесты исскоблил.
Дымятся в пепле и золе
Лукреций Кар, Сафо, Рабле,
На книжных полках пустота —
Одна история Христа.
О Ягве, Ягве, за тобой,
Надеясь, веря и любя,
Мы шли с распахнутой душой,
Мы шли и гибли за тебя.
Мне завтрашний не нужен рай,
Мне день сегодняшний отдай,
Чтоб нищих не встречать детей,
Чтоб слез не видеть матерей.
Но только гул колоколов,
И гордых больше нет голов.

Горят на площадях костры,
На плахах пляшут топоры,
И сталь остра, как жар костра,
И завтра то же, что вчера,
И только кровь, и только чад,
И люди гнутся и молчат.
И я на исповедь хожу,
Молитвы гнусные твержу
И гимны хриплые пою,
Себя спасая и семью.
Но жили, жили на земле
Лукреций Кар, Сафо, Рабле!
О светлый бог мой Прометей,
Зачем своих забыл детей?

* * *

Нам такая милость дадена —
Выбирай судьбу:
В поле столбик с перекладиной
Иль клеймо на лбу.

Шелестит листвой зеленою
Придорожный куст,
Бриты головы клейменые
Да бубновый туз.

Да обуты крепко ноженьки
Наши в кандалы,
Да кромешные острожные
Ночи тяжелы.

Через травушку ковыльную
Лег далекий путь.
Скоро ль та земля могильная
Упадет на грудь?

Ой дороженька, дороженька,
Вьешься под откос,
Высоко за тучкой боженька
И Исус Христос.

ПРИЗВАНИЕ

Своих неласковых детей
Призваньем проклял бог.
Их настигает плеть дождей
И пыль слепит дорог.

Чужими отчие края
Пред ними предстают,
И вновь лукавые друзья
Лобзаньем предают.

Своих упрямых сыновей
Талантом проклял бог,
И ведом им ожог камней
И слово *одинок*.

И каждый знает: не на час
Метельные снега.
Но каждый помнит, сколько раз
Валялся бог в ногах.

* * *

Так уж водится, так водится,
Не вчера и не сейчас,
Сердце надолго заводится —
На всю жизнь и только раз.

И пока живет — не старится
Ни вчера и ни сейчас,
Просто так оно вот дарится
На всю жизнь и только раз.

Но весной приходят радуги,
И, как будто с высоты,
К новой и нежданной радости
Опускаются мосты.

Там, где все дороги сходятся,
У начала всех разлук,
Сердце вдруг опять заводится.
Умирает сердце вдруг.

* * *

И люди возвращаются домой,
К теплу и свету, чтобы тосковать,
К теплу и свету, чтобы забывать,
И остается горе позади.
А человек глубоко под землей
В последний раз останется один
И навсегда один с одним собой.
В раздумье человек глаза закрыл
И крепко руки на груди скрестил.
И не пройдет ни свет к нему, ни шум,
Не потревожат одиноких дум.
Над ним деревья, травы и цветы,
Спокойно смотрят звезды с высоты,
Сменяются жара и холода,
Проходят бесконечные года.
Метут метели, падают дожди,
И ничего не будет впереди.
Все позади, за мерной тишиной,
За толщею кромешною земной.
Над ним лежит тяжелая доска.
Его темнит тяжелая тоска.

СЫНУ

А ты поймешь, когда настанет срок:
Я ничего не прожил, не осилил,
Моя судьба осталась между строк,
Твоя — среди других судеб России.

Твои дороги — у ее дорог,
Мои — в дожди осенние, глухие
На чей-нибудь случайный огонек.
Я ничего не прожил, не осилил.

* * *

Увидел я
Ползущего навстречу муравья.
Он не сворачивал с моей дороги,
Он прямо полз под ноги,
Как будто бы хотел сказать: «Ну что же,
Убить убьешь,
А испугать не сможешь».
О, сколько раз еще припомню я
Ползущего навстречу муравья!

* * *

Требуются жертвы в нашем деле.
Головы от этого болели,
Между пальцев ускользало счастье,
Разрывалось сердце вдруг на части.
Приводили к пропасти тропинки,
Становились горами песчинки,
Старые друзья не узнавали,
Давние враги торжествовали.
Путь-дорога — кочки да ухабы,
Укачает и не очень слабых.
Мне земля моя роднее неба.
Пусть я никогда героем не был,
Но одним пожертвовать не смею —
Совестью и правдою моею.

* * *

На деревьях взрываются почки,
Начинается свадебный пир.
Диогену достаточно бочки —
Александр завоевывал мир.

Грустно осенью думать о лете,
В темноте оставаться одним,
Оттого-то нам нравятся дети —
Или просто завидуем им?

И, сменяя заботу заботой,
Разуверясь и веруя вновь,
Отдаем мы привычной работе
Безнадежную, злую любовь.

На душе незаметны заплаты,
Говорят, дешевеет вино.
От зарплаты живи до зарплаты —
Остальное увидишь в кино.

Ну, а если приходится трудно,
Так руками за воздух держись.
Это все называется будни,
А припомнишь — окажется жизнь.

УЛИЦА АЛЕКСАНДРА БЛОКА

1

В такие дни, в такие ночи
Глухой сумятицей тревог
Мой город полон многоточий
И неисхоженных дорог.
Кем пройдены они — не знаю,
Навстречу кто пройдет по ним?
Чей след заносит, пролетая,
Поземки шелестящий дым?
У фонарей в кругу снежинки,
Нева под немотою льда.
Уходит в ночь моя тропинка,
Скрипят снега, горит звезда.
Над белой-белой стынью снежной
Литой, незыблемый мороз.
А мир, тревожный и мятежный,
Открыт для солнца и для гроз.
Открыт — верней, распахнут настежь,
На даль свою и высоту.
Мы песни, и любовь, и счастье
Встречали в мае на мосту.
Я слышу сквозь мороз и вьюгу
В гремящем рокоте трубы —
Гремящий век летит по кругу

Немыслимой своей судьбы.
Здесь на снегу дорог начало
К пьянящим шорохам весны,
К заре вполнеба, запоздалой,
К раскатам грома с вышины.
И листьев первый робкий лепет,
Ветра, подобные молве,
И облако плывет, как лебедь,
Крылом зари плеща в Неве.
И тихий звон последней льдинки —
Она растает без следа.
Уходит в ночь моя тропинка.
Скрипят снега. Горит звезда.

2

По улице вьюга проходит вслепую,
Сугробы к столбам наметая.
Горит и дымится, грустит и тоскует,
Прекрасная, злая, хмельная.
Как будто она в проводов паутину
С разлета ударилась грудью
И рвется, но сети тяжелой не скинуть.
Декабрь и ночное безлюдье.
Фонарь опустился, и снова качнулся,
И светом, играющим светом
До синей таблички фонарь дотянулся —
Так вот где... И сразу от ветра шального
Сквозь вьюгу, за плотною тьмою,
Услышал я легкое, вьюжное слово
И музыку с темной тоскою
Про этот фонарь, и кривую канала,
И где-нибудь рядом аптеку...
И рядом со мной началось все сначала,
Как раз после четверти века.

МАРСОВО ПОЛЕ

И там, где родною землею укрыты
Отдавшие жизнь за нее в Октябре,
Суровые серые камни гранита
Навеки в почетное стали каре.
Торжественно-строго на камнях священных
О подвигах гордая слава поет,
И путник замедлит шаги непременно,
И в сердце он эти слова унесет:
«Под этой могилой не жертвы — герои,
Не горе, а зависть рождают они...»
Величье бессмертья, величье покоя,
Покоя, что морю и звездам сродни.
Не всех мы запомнили их поименно,
Но всем им народов любовь отдана,
Их кровь полыхает на красных знаменах,
Им первые розы приносит весна.
Какие промчались великие годы
В размахе труда и в дорогах войны!
Но в самых суровых и дальних походах
Сердца этой памяти были верны.
Вы рядом, бессмертные, с жизнью и с нами,
И время не трогает этот гранит.
И вечный огонь, как сердец ваших пламя,
На Марсовом поле сурово горит.

И подвиг ваш трижды умножен страною
В другие железные Красные дни...
«Под этой могилой не жертвы — герои,
Не горе, а зависть рождают они...»

НОЧНЫЕ ШАГИ

Вдали затихнут и опять
Слышны, и нет похожих.
Как можно многое узнать
Лишь по шагам прохожих.

Одни торопятся — пора,
Их дома ожидают.
Другие, верно, до утра
Проходят, прогуляют.

И далеко за тишиной
Шуршат автомобили...
Давай поговорим с тобой,
Как раньше говорили.

Воспоминанья позови —
Пусть нам они помогут,
Ведь нам совсем не до любви,
Стареем понемногу.

Из года в год, из года в год
Семейные заботы...
Вот чей-то муж домой идет —
Окончена работа.

Которая прошла весна?
В садах, еще зеленых,
Над ясенями желтизна,
Чуть рыжеваты клены.

Тебя здесь нет, мне все равно —
Мы навсегда чужие.
Я свет зажег, закрыл окно.
Звучат шаги ночные.

* * *

Какие тяжелые веки,
Их трудно ресницам поднять.
Какие далекие вехи
Идут по часам и по дням.
Идут по годам и неделям
От первых неясных тревог,
Где выросли тихие ели
На самом начале дорог.
За ними тропинки босые —
Казалось, что нет им конца,—
И тени деревьев сквозные,
И сильные руки отца.
И радостен мир, и огромен,
И машет лебяжьим крылом...
Такое дается, чтоб помнить,
Недолю встречая потом.
Твой мир начинался в обложках
Еще не прочитанных книг.
А сказка — она босоножка,
Идет и идет напрямик,
Где красно-зеленым сверкают
Росинки, где сказочна быль,
Где звезды зимой рассыпают
Морозную звонкую пыль...

Какие тяжелые веки —
Их трудно ресницам поднять.
Какие далекие вехи —
И времени нет для меня.
Проходят года вереницей —
Мне каждый враждебен и нов,—
Зеленые ходят зарницы
По черному краю зрачков.
А я наклоняюсь и снова
Тяжелые взгляды ловлю.
Зачем говорить это слово,
Напрасное слово л ю б л ю.

* * *

Наверно, роняет лебедь
Свои золотые перья —
По волнам от солнца блики
И белые облака.
Я часто смотрел на небо,
Но на воде так близко,
А ты для меня, я верю,
Останешься далека.

Прощаясь, мы станем строже,
Запомню вокзал и поезд
И вдруг не скажу что надо,
О чем нельзя не сказать.
А солнце останется то же,
И в комнате будут рядом
Забытый платок и пояс,
Чтоб я не мог забывать.

Перья роняет лебедь,
Кто-то за ними наклонится.
Я почему-то очень
Этими днями устал.
Помнишь, высоко в небе
Медленно плыло солнце?
Помнишь, какие ночи
Видели у моста?

ГАРМОНЬ

Разве мог бы лишнее
Здесь тебе под вишнею,
Разве мог бы лишнее
Я сказать?

Или ты не видишь,
Или ты не слышишь,
Или ты не хочешь
Понимать!

Что ж ты, чернобровая,
Целый час суровая,
Почему суровая
Ты со мной?

Что сказал плохого я,
Что сказал не к слову я,
Что сказал такого я
Здесь, над рекой?

По какому поводу
Все проводы да проводы,
По какому поводу
Ты грустишь?

Я все истратил доводы,
А ты упряма смолоду,
Не проходишь к хороводу
И молчишь.

Или ты не видишь,
Или ты не слышишь,
Или ты не хочешь
Понимать!

* * *

Я на здешний климат не в обиде —
Здесь зима теплей, чем в Антарктиде,
Но метели колкою порошей
Разгоняют по домам прохожих.

Как же быть мне, если каждый вечер
У меня должна быть с милой встреча
И у встреч у этих наше счастье,
Может, ходит рядом по ненастью?

Мы стоим, вопросы разрешаем,
Нужные трамваи пропускаем,
Только наши важные вопросы
Непонятны старому Морозу,

Кроет он на Невском и Расстанной
Окна серебром своим чеканным.
Ой, друзья, приятели, подруги!
Скройте нас от ленинградской вьюги —

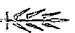
Надо ж где-то нам обогреваться,
Надо ж где-то нам доцеловаться!
Неужель вам не понять влюбленных
В легоньких, как май, демисезонных?

* * *

Идут, пробегают тропинки,
Встречаясь, расходятся вдруг.
В лесу вырастает осинка,
Растет на осинке сук.

Не раз над лесом, над нею
Грозой громыхает весна.
А в поле цветочки синеют,
Синеют цветочки льна.

Сгибается спелый колос,
Ложится роса на траву.
И я, пока что веселый,
Живу пока что, живу.



* * *

Я открою пианино —
Ты давно мне не играла.
Пусть приходит Киарина
К нам домой из «Карнавала»,
Чтобы мне опять все то же
Передуманное думать,
Потому что вы похожи,
Потому что это Шуман.
Потому что это — просто
Под веселою зарею
Где-то девочка-подросток
За руку идет с весною.
Девочка играет в мячик
И смеется, а ночами,
Может, иногда вдруг плачет
От неведомых печалей,
Оттого, что мир хороший,
Оттого, что сердца много,
И черемуха порошей
Заметает в сад дороги,
Оттого, что вот такое
Никогда не позабудет.
Это было все с тобою,
Это с кем-то после будет.

УЛИЦА БЕЛЫХ НОЧЕЙ

Три часа ночи,
А чуточку жмурятся
Окна от солнечных
Ясных лучей...
Есть на земле
Ленинградская улица —
Тихая улица
Белых ночей.

Там исполняются
Сразу желания
Вслед за упавшею
Быстрой звездой.
Самое светлое,
Самое раннее
Утро проходит
По улице той.

Что же брожу я там,
Что я там делаю,
Если другая
Моя сторона,—
Светлая девочка,
Яблонька белая
С ветром стояла
Всю ночь у окна.

Ветер к заливу
Шел улицей этою —
Сердце мое,
О любви говори!
Песни веселые,
Кем-то не спетые,
В птичьем гнезде
Спят до новой зари.

Если когда-нибудь
Мы распрощаемся,
Если друзья
Не успеют помочь,—
Здесь вот, наверное,
Вновь повстречаемся
В самую белую,
Белую ночь.

Счастье весеннее
С долей бездомною,
Сколько еще
Остается нам лет?
Яблони ветки,
Как пальцы, заломлены,
Падает белый
И розовый цвет.

* * *

Я чаще всего вспоминаю в разлуке
Не первый веселый и трудный наш год,
А эти дрожащие, скорбные руки
И горем искривленный, плачущий рот.

А я на ходу говорю торопливо
Не то, что ты просишь, не то, что ты ждешь,
Жестокий, счастливый, нетерпеливый,
Жалеющий зависть и верящий в ложь.

Ой, в сумерки настежь открытые двери
И белые ниточки первых седин.
И нет мне покоя, и нет тебе счастья,
И нет ни тебя, ни меня.
Только сын.

* * *

Как-то все закончилось внезапно
На большом порывистом ветру.
Солнце шло по августу на запад,
В октябре вернулось поутру.
И земля твердела, словно камень,
И кричали в небе журавли,
Красными озябшими руками
Удержаться листья не могли.
На вершинах остывали звезды,
Раньше недоступные ветрам,
До весны покинутые гнезда
Плотно прижималися к стволам.
И когда я шел сегодня парком,
Где дороги наши разошлись,
Прямо в руки, бронзовый и жаркий,
Замертво упал кленовый лист.
Вот и все, о чем мы говорили.
Все, что ждали где-то впереди...
Помнишь, здесь, бывало, проходили
Летние веселые дожди?

* * *

Свет далекой звезды
Так похож на письмо издалека.
Для чего мы расстались —
Ведь жизнь была прожита врозь!

Сколько сроков пройдет
До того долгожданного срока,
Сколько разных тревог
Для того, чтобы все улеглось!

Так люблю я тебя,
Что не справиться часто с собою,
И, подумав уйти,
Тороплюсь возвратиться опять.

Так люблю, что назвать
Не решаюсь женою,
Потому что расстаться боюсь
И боюсь снова вдруг потерять.

* * *

Не оттого, что ты стройна,
Что взгляд лучистый твой,
А оттого, что ты одна,
На свете нет другой.

Не оттого, что весела,
Что не встречал светлей,
А оттого, что ты пришла
Совсем к судьбе моей.

Не оттого, что ты добра,
Тебя сердечней нет,
А оттого, что по утрам
Один для нас рассвет.

Не оттого, что мы друзья
Навек, а не на час,
А оттого, что спорил я
С тобою столько раз.

И убеждал, и обижал,
И угрожал уйти,
Бывал не прав, и прав бывал,
И говорил «прости!».

Мне всех причин не перечесть —
Для сердца моего
Какая есть, какая есть,—
Дороже ты всего!

МАТРЕШКА

Январский день. Суровая бомбежка,
И надо срочно разбирать завал.
И вот голубоглазую матрешку
Я в кирпичах разбитых отыскал.

Она в лицо мне пристально глядела,
Летел снежок в кудель ее кудрей.
А где ж ее хозяйка — та, что пела,
Картавя, колыбельные над ней?

А где ж ее хозяйка, что с ней сталось?
Чуть шелестел седой, морозный прах,
И солнце, вдруг померкнув, расплывалось
В моих бессонных и сухих глазах.

Ой памятные горькие дорожки
На ленинградской дорогой земле!..
Тебе не скучно, старый друг матрешка,
Дремать под лампой на моем столе?

Зимой так тихо вечерами дома,
Ворчит лишь в кухне сонная вода.
Уж мы семнадцать лет с тобой знакомы,
А ты почти такая, как тогда.

Январь, январь. Окно заиндевело.
Мурлычет нам огонь в печной трубе.
А где ж твоя хозяйка — та, что пела,
Картавя, колыбельные тебе?..

ЖЕЛЕЗНЫЕ КНИГИ

Читайте железные книги!

В. Маяковский

По маю, по маю,
По синему маю
Хожу и железные книги
Читаю.

Они пред глазами
Высоко и низко,
Как много их здесь —
То в далеком,
То в близком.

Железные книги,
Тяжелые книги.
Истории поступь
Звучит в каждом миге.

...Железные книги,
Железные главы —
Орел без короны,
Кровавый, двуглавый.

По камням звеня,
Покатилась корона,
Когда по ней стукнул
Солдат разъяренный.

...Парадный подъезд —
Тот, что тягостным часом,
Бледнея от ярости,
Видел Некрасов.

А рядом с подъездом,
Спасаясь от тлена,
Кривляются «еры» и «яти»
На стенах.

Их дети не знают
И мы позабыли...
Там жили, копили
Да кровушку пили.

...Нарядным неоном
Сверкает над домом
Широкая вывеска
Ленгастронома.

Как вывеска эта
Читалась в блокаду!
О том забывать нам,
Пожалуй, не надо.

Пожалуй, таблички
На стенах щербатых
Оставил бы город
Своим октябрятам.

Таблички, что льдинкой
На солнце синели,
Которые трогала
Смерть при обстреле.

Железные книги,
Железные главы.
Хожу и читаю
Про горе и славу.

И каждый разделит
Мое беспокойство —
Ведь золотом пишет
По сердцу геройство.

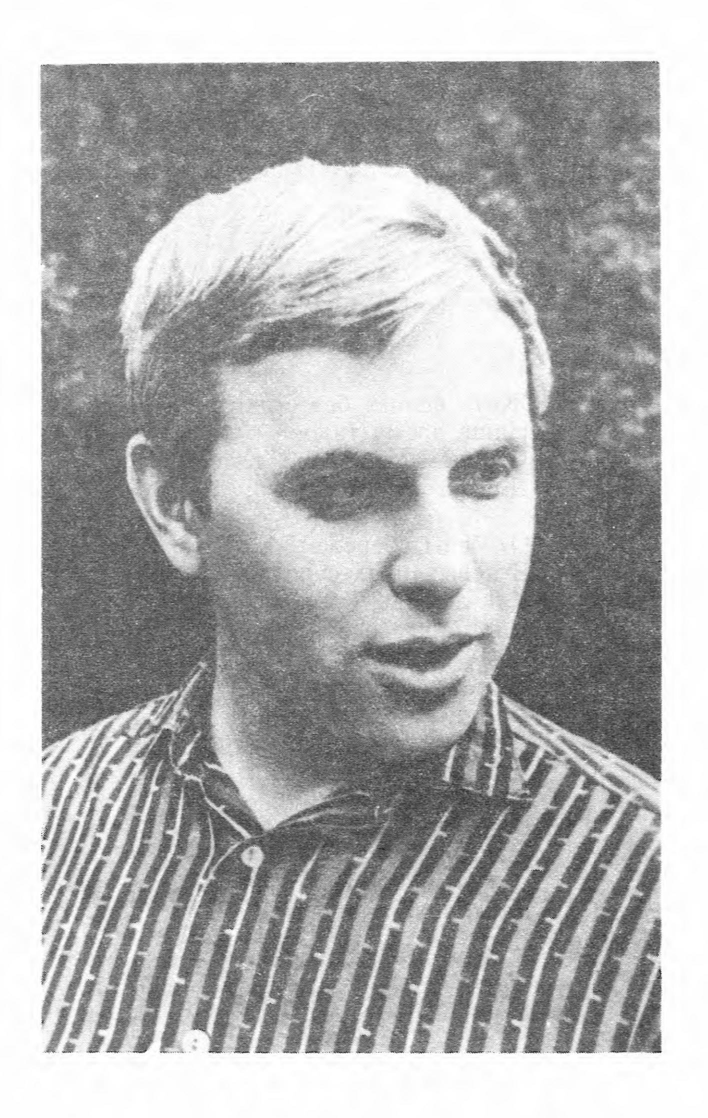
* * *

Жить нельзя без стихов,
Наше время такое —
Сердцем сказанных слов
Для работы и боя.

От беды сбережет
В испытаньях суровых,
Как любовь, обожжет
Настоящее слово!

Человека ведет
По земле вдохновенье
Для великих работ,
Для великих решений.

Ветер ямбом гудит
Над просторами всеми,
И поэтов творит
Раскаленное время.



ИГОРЬ
НЕРЦЕВ

ДНЕВНОЙ
СВЕТ

Игорь Нерцев (Евгений Михайлович Шадров) родился в 1933 году.

Свою первую и единственную поэтическую книгу — «Дневной свет» — он вынашивал долго, не торопясь отдавать ее на суд читателя. Как вспоминают его друзья, он всегда отличался неторопливостью, душевной основательностью и всякое дело, за которое брался, делал добросовестно и тщательно. При этом был не робок, но деликатен, предпочитал оставаться в тени, никак себя не афишируя. Он был скромен — принципиально. О том, что кинооператор «Ленфильма» Евгений Шадров пишет стихи, знали совсем немногие.

Мы познакомились с ним, когда он решился принести рукопись в издательство, и хорошо понимали друг друга, работая над его книгой. Она была опубликована в 1974 году, за несколько месяцев до его смерти в 1975-м... И все эти годы меня не оставляло чувство невосполнимой потери — так серьезно относился к литературе этот истинно талантливый человек!

Будучи натурой богатой и цельной, Игорь Нерцев отличался бескомпромиссной требовательностью к себе и верил, что не стихотворные изыски, не минутные шумные удачи помогают поэту стать поэтом, а непрестанное борение с самим собой, неусыпное самовоспитание и дисциплина духа. Его стихи, думается, с честью выдержали испытание временем: сокрытые в них мысль и страсть и сегодня живы и убедительны.

В настоящем сборнике книга «Дневной свет» воспроизводится полностью — в первом разделе; во втором разделе помещены стихи, бóльшая часть которых читателю неизвестна.

Игорь Кузьмичев

* 1 *

* * *

Телеграфный томительный зуммер,
Предвечерний оснеженный час...
Что гудит в проводах?
                    Или умер,
Или кто-то родился сейчас?

Или чья-то тревога большая
Надо мной многострунно звучит?
Иль — одна сторона вопрошает,
А другая — молчит и молчит?

...Декабря неуютность сквозная
Гонит к соснам взъерошенных птах.
Век живу, а вот так и не знаю
До сих пор — что гудит в проводах?

Все протянуто к сердцу на свете —
Удивление, радость, беда...
Что гудит в проводах просто ветер —
Не поверю тому никогда!

ЛЕТНИЕ ОКНА

Зимою дом как будто кокон:
Живем, закутанные в тень.
...О, откровенность летних окон —
Особенно в воскресный день,
Особенно в воскресный вечер,
Когда из-за города мы,
Вливаясь в толпы, как на вече,
Торопимся к началу тьмы.
В глазах домов сияет лето.
Янтарный свет. Гостинцы леса.
Янтарный чай. Движенья рук.
И мирность времени — до боли
Сама, помимо нашей воли,
Дыханье схватывает вдруг.

СТОЛ

В дом войти, и к столу подойти,
и ладонью о край опереться,
И вздохнуть глубоко,
и — как не было складок у рта...
Стол, связующий дол
навсегда отзвеневшего
детства
С отыгравшейся в прятки судьбой,—
наподобье моста.

Он тебе не изменит.
В затменье каком ни скорби ты —
Он подхватит под локти,
чтоб верил, не падал, нашел.
Средоточие комнат,
прообраз семейной орбиты
И домашнего космоса центростремление —
стол.

Кто тебя в эту жизнь
из глубин стовековых забросил,
Словно прочную чашу под наши земные дары?
О, хранители тайн
одного из древнейших ремесел,
Первых плотников младшие братья
и ученики — столяры!

В дом вернуться пешком,
    на гнедом ли из битвы процокать,
Выйти пенным путем,
    где за мачты цеплялась гроза,—
У стола замыкали мы дружеский круг,
    локоть в локоть,
И, забыв обо всем, уплывали любимым в глаза.

Как все складно стоит на столе,
    по-земному как близко!
Хлеб, и соль, и вино, и плоды —
    и друг другу возносят хвалу.
Круг земной,
    ты наивной гармонией плоского диска
В нашем древнем уме —
    уж, конечно, обязан столу.

Льется лен скатертей,
    и кричат петухи с полотенца,
Уж на что деревянная —
    ложка, и та расцвела!

Мать, красуясь, на стол
    пред гостями поставит младенца,
А потом первый шаг в неизвестность
    он сделает сам — от стола.

Труд и путь неразрывны.
    Дорога отнимет от дома.
На печи — не посеешь,
    в пустых кладовых — не пожнешь.
Но, исхлестана ветром,
    душа ожиданьем ведома:
Уж на край-то стола —
    ты опустишь любую из нош.

В дом войти, и к столу подойти,
    и коснуться рукою
Этой вечной,
    из плотно подогнанных досок плиты,
И предчувствием
    хлеба и света, тепла и покоя
В рукотворности крыши и стен,
    оживая, наполнишься ты.

* * *

Целый город
в великом спокойствии спит.
Целый город
со звездным молчанием слит.
Только холодом веет
от каменных плит...
Открываю окно
и вбираю всей кожей
Холодящую мглу,
тишины торжество.
Далеко на проспекте
последний прохожий,—
Лишь песчинки хрустят
под ногами его.

* * *

Спасает бездна праведного сна
Всех, обожженных пламенем объятий.
Какая наступает тишина!
Ничто не может противостоять ей.

Вторжения невнятицы ночной
И рдеющие всполохи востока
Не в силах сладить с этой тишиной,
Царящей безраздельно и глубоко.

От пробуждений совести, ума
В бескрайней жажде продолженья рода
Хранит слепая наша мать-природа
Такую ночь — властительно — сама.

СПУСК В МЕТРО

Вниз лестница одна струится,
Другая востекает ввысь.
Ты — перелистывая лица —
Гляди, гляди, не заглядись...
О, бесконечная витрина!
О, эта выставка людей!
Из мрака веющий ветрина,
Что ты навеял, чародей?
Как явно здесь раскрыты все мы,
К чему за темой лезть в карман.
Вот женщина — эскиз поэмы,
Мужчина — плутовской роман.
Вот, зачарован, чуток, тонок,
На всех взирая как судья,
Недвижно движется ребенок —
И мне в нем виден давний я.
Пусть в наблюдательском цейтноте
Кончаю свой наклонный путь —
Безостановочно в полете,
О дух фантазии, пребудь!
Сквозь горизонты косной суши,
Соединяя глубь и высь,
Ты — перелистывая души —
Твори, твори, не растворись!

ГОД МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА

А. Рытову

Бронзоликая дева,
Мемуарная слава,
Импозантный фасад.
Посмотрите налево!
Посмотрите направо!
Обернитесь назад!

В судный век изменений —
Обожатели мумий,
Вот где их торжество!
Вот их твердь: ни сомнений,
Ни потерь, ни раздумий,
Ни страстей — ничего.

Вполслезы умилиться:
Упомянут поэтом,
Дата, стиль — шагом марш!
Но ведь надо родиться,
Надо вырасти в этом,
Это плоть, а не фарш.

Без любви и без гнева,
Не наследовав славы,
Не пристывши виной,—
Что ты смотришь налево,
Что ты смотришь направо,
Самозванец смешной?!

Разве только в зените
Страны что-нибудь значат
И питают народ?
На невидимой нити
Пораженья и плачи —
Повесомей красот!

Не случайны — старуха,
Погруженная в книжку,
Прорицатель хмельной,
Взгляд, встречающий сухо,
Мальчик с булкой, вприпрыжку,
И калека с женой.

Бойтесь, словно гипноза,
Песен этого гида,
Отнимающих ум.
Где тут — с кровью заноза?
Где — живая обида?
Где — сегодняшний шум?

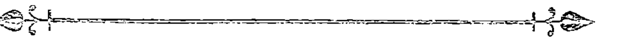
Неужели вся слава
Стынет в бронзовом жесте?
Не для этого путь!
Не вертитесь направо!
Задержитесь на месте!
Да отверзнется суть!

* * *

Этот час, которого нет тише.
Эта тишь, сводящая с ума!
На граниты плеч надвинув крыши,
Хмуро спят усталые дома.

Сонные автобусы бок о́ бок,
В зоопарке — мирный храп зверей.
Новый день, наивен, юн и робок,
Все еще вздыхает у дверей.

Спит ладонь, остывшая от дела,
Спят любовь, разлука, слава, стыд.
...Кот в витрине винного отдела,
Голову зажавши в лапах, спит.



* * *

Не бедствиями быть побороту —
Обычностями быть побиту,
Растерянно брести по городу
И переваривать обиду.

Проникнуться ночными звуками,
Закутаться в хаос окраин —
Тоннелями и виадуками,
Невысказан и неприкаян.

Прекрасными, но невозможными
Насытиться в пути мечтами,
Путями железнодорожными,
Бетонными — в струну — мостами,

Под каплями — асфальта глянцами,
Распахнутыми в ночь дворами,
И затянувшимися танцами,
И электропечей кострами.

И у́ моря, у предпортового
Собачьего складского лая —
Черты решения готового
Найти, улыбку отгоняя.

И, доискавшись смысла в ребусе
И сна предчувствуя истому,
Спешить к своей пустынной крепости —
Окутанному ночью дому.

* * *

Светлеющих небес полутона,
В земных потемках первые различья.
День вылезает из берлоги сна,
Нечесан и дурен до неприличья.

Азарт ночных блестящих эскапад
Сошел с экранов праздного сознанья.
Мотаются деревья невпопад,
И неуклюже выплывают зданья.

Новорожденный, в поисках лица,
Хватается за шпили и за башни,
Пока объединяются сердца
Привычкой, что оставил день вчерашний.

По моде сшит, да не по росту мал,
Пиджак забот обтягивает души.
И звезд ослабевающий накал
Дыханье дня легко, как свечи, тушит.

* * *

Толчок пробуждает душу,
Готовую стать живой,
А дальше твой голос глуше,
Как будто уже не твой.

Нельзя не искать продолженья —
Посмевшими жизнь жива.
Но прежде начала служенья
Тебя искушают слова.

Нейдется.
Неймется.
Не спится.
Не крот, но еще и не птица.
Не образы, но и не лица.
Ни взять,
ни отдать,
ни забыться,
Ни вздохом провеять в груди —
Совсем уже рядом граница,
Когда донесется: иди!

* * *

Словами, то протяжными, то краткими,
То сладкими, то горькими во рту,
Мы схватываем жизнь с ее повадками,
И запахи ее, и остроту.

Шумит созвучий пестрая компания,
Глядишь, кому — любовь, кому — отпор,
И нет меж ними сосуществования,
А лишь один естественный отбор.

Сцепленья слов плывут, как наваждение,
Но, как их связь наружно ни слаба,—
За видимой случайностью рождения
Встает неумолимая судьба.

Всеобщее растет из единичности,
И все ясней видны на том пиру
И мир, как в капле, отраженный в личности,
И личность, растворенная в миру!

* * *

Переходный период
От любви до любви —
Словно бездну перила
Холодком обвели.

Побывать у портного,
Прикупить из одёж.
Как покатится снова —
Так уже не пойдешь.

В синем небе ни тучки.
Развевается флаг
Самовольной отлучки
От лирических вахт.

Все улыбки, все лица,
Та и та хороша...
И, в кого бы вселиться,
Выбирает душа.

* * *

Поздно ночью греюсь у огня.
Дремлется. Мерцается. Не спится.
Люди намотались на меня,
Как трава болотная на спицы.

Душу исходили ходуном,
Сердце состраданьем обвязали.
Я же не просил их ни о чем,
Почему так много рассказали?

Ложь, любовь, семья, работа, муж,
Таинство страстей и их последствий —
Это тьма невысказанных душ,
Это глубь невыплаканных бедствий.

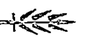
Мир на перекрестки всех дорог
Откровенность гроздьями обрушил.
Может быть, затем и нужен бог,
Чтобы молча слушал, слушал, слушал...

* * *

Как часто мы реальности живой
Приписываем качества макета,
Где наперед известны все ответы
И все постигнешь умной головой.

Но только время, ветер бытия,
Промчит в нас
хоть малейший
промежуток —
И мир неузнаваем, нов и жуток.
Так кто ошибся?
Может быть, и я...

И все заколыхалось, потекло,
И рухнули привычные подмостки,
И оказалось бездною — стекло,
И звездами — наклеенные блестки.



* * *

В лесу — как после карнавала,
Пока зима не подмела.
...Трава все вяла, вяла, вяла,
Схватила хворь — и полегла.

Кричат вороны с черных веток,
И холод бродит в рукаве...
Не листопад уводит лето:
Последний знак его — в траве.

Она расцвечивает наши
Воспоминания и сны
То хороводами ромашек,
То — колокольчиков лесных...

Как в океан, в траву с разбега!
А без травы — какая жизнь?
И сердце просит: снега! снега!
Лети!
        Свети!
                Кружись!
                        Ложись!

* * *

Пашни, как бездельницы,
Дремлют день-деньской,
А на небесной мельнице
Кончился покой.

Нивы, словно призванные,
Стрижены под нуль,
А мукомолы признанные
Взяли ветхий куль.

Озимь робкой челочкой
Высунулась в день,
А над мохнатой елочкой
Уже скользнула тень.

Шарахнул твердой крупкою
Помощник-озорник —
Хотя помола крупного,
А испарилась вмиг.

В ногах у леса черного
Палая листва,
Главного-то жернова
Не тронули сперва.

...Но вот, под утро, белая
Посыпалась мука,
Пошли в работу спелые,
Литые облака.

В сумраке предутреннем
Люди из ворот —
Все пути припудрены,
Оторопь берет!

Утром дети малые
Глянули в стекло:
Где же листья палые?
Все белым-бело!

Запетляли в ельнике
Заячьи следы...
С добрым утром, мельники
Скованной воды!

* * *

Слепяще, радостно и дико
Передо мною и во мне
Горела красная гвоздика
На льдистом северном окне.

Она в ладонях ветки узкой
Цвела нездешней, непростой,
Среди снегов равнины русской
Такой нежданной красотой...

Неповторимы, как народы,
Цветы. Воспламеняет их
Прощальный блеск родной природы.
Долины, горы — в них самих,

Единственные в целом свете...
И вспоминаются слова:
За семь земель уходят дети,
Но в лицах родина — жива!

Слепяще, радостно и дико...

* * *

Когда придет невнятная для прочих,
Но для тебя — великая беда,
Когда ничто надежды и не прочит,
А все-таки надеешься; когда

Осколочек, оставшийся во взоре,
Пронзит лучом печальный твой удел,—
Накачивай горючей смесью горя
Моторы всех своих привычных дел!

Житейскому сложившемуся кругу
Отнюдь не изменяй. Наоборот:
К семейством замороченному другу
Заглядывай — тебя давно он ждет,

Сходи в кино — там тоже пойман кто-то
В серебряном пространстве полотна,
В универмаг (азартная охота:
Ружьишко — кошелек, а зверь — цена).

Спасенье для души — раздвинуть стены,
И в переносном смысле, и в прямом.
То за окном вагонным перемена,
То новый поворот в тебе самом —

Просвет нежданной истины откроет
И тихо поведет твои следы
Под музыку высокого настроя
Снегами затихающей беды.

Здесь, чем умеешь, выручить кого-то —
На редкость подходящая пора.
Ввязаться в сверхурочную работу,
Загнав, как тигров в клетки, вечера.

Проваливаться в сон, смыкая вежды...
Но даже и подумать не греши
На день, на час отречься от надежды —
Единственного воздуха души.

* * *

Все вьется и кружится
Февральская пурга,
Грозится и бранится,
Как старая карга:

«Копили и корпели
Морозы, льды, снега,
А вешние капели
Все спустят донага.

Болтливые девчонки!
И как им глупо льстят,
Что их сосульки тонки
И золотом блестят.

Сосульки порастают,
Цветы поотцветут,
Плоды повырастают,
И ветры их сметут.

Придет, настигнет горе
Осиновым листом!..»

Карга, никто не спорит,
Но все-таки... потом!

* * *

Внезапный грипп. Катанье с горок —
Температура вверх и вниз.
Груз одеяла, сумрак шторок,
Беззвучной памяти каприз.

А за окном — смеются громко
И трут замерзшие носы,
И в небе
облачная кромка
Вся светится в лучах косых...

ЗАГОРОДНЫЙ МАРТ

Стеклянный глянец Финского залива
И талый воздух, жаркий, как в бреду.
Перескочив на лед нетерпеливо,
Путями корабельными иду.

Глаза зимы, сощуренные слепо,
Читают знаки марта на снегу,
Резец крыла по синей стали неба
Прочерчивает ровную дугу.

Объемна и прозрачна панорама,
На ветках почкам панцири тесны,
И ощущает в жилах старый мрамор
Фонтанное журчание весны.

Светило багровеет, языкато,
Лед лопается, хлопая, как кнут...
И светопреставление заката
Вот-вот пройдет по лестнице минут.

* * *

На что наведены глаза,
Когда мы, выпрыгнув из века,
Не слыша рядом человека,
Иные слышим голоса?

На что наведены глаза,
Когда вблизи, вдали — всё пятна
И мир светло и непонятно
Слоится, словно паруса?

И потревожить нам нельзя
Того, кто замер в нашей коже?
...Вопрос лукавый.
Только все же —
На что наведены глаза?

* * *

Прекрасно
пролетающее счастье,
Которого никто не остановит.
Оно не только в сновиденьях частых,
В мгновенной
неразгаданной тоске.
Я помню в дождевых дрожащих каплях
Знакомое лицо в волшебной нови,
Опавших игл изогнутые сабли
На пахнущем смолой морском песке.

Я помню —
останавливалось сердце
Перед искусством,
царствующим в зале.
Казалось, не найдешь единоверца —
И радости не выдержит оно.
А зимний лес в торжественном убранстве?
А сладкая отрава фестивалей?
А легкое безумье южных странствий?
Все было наяву воплощено.
Пускай не в нашем космосе — в попутном
Есть то, чего не вымолишь по крохам.

Преображая жизнь веселым бунтом,
Осветит душу
в день, когда не ждем,—
И снова на короткие мгновенья
Нас приобщает к будущим эпохам.
И вечности мы слышим дуновенья.
И звезды с неба
падают
дождем.

* * *

К тебе не привыкнуть,
ты вся — из нежданного.
Тебя невозможно узнать до конца.

Ты с каждым рассветом рождаешься заново,
С каким-то другим выраженьем лица,
С какой-то другой интонацией в голосе.

...Толчок, дуновенье — и сразу зажглась,
И брови взлетели,
и вспенились волосы,
И синие стрелы сверкают из глаз!

* * *

Иногда, на самой крайней грани,
Душу, непокорную судьбе,
Искушает громче всех желаний:
Научи не думать о тебе!

Только как ты сможешь сделать это?
Чем разъединить тебя со мной?
Даже в самых дальних странах света
Буду бредить лишь тобой одной.

Пусть ни звука голоса, ни вести,
Но во мне горят твои черты,
Беатриче!
Это *вечно вместе*
Разомкнуть не в силах даже ты!

* * *

Изначальное слово,
Тополиная дрожь:
В половине шестого
Ты сегодня придешь.

Мир посмотрит сурово —
Рассмеемся в глаза,
С половины шестого
Невозможна гроза.

Вся земная основа
Словно дым под ногой,
С половины шестого —
На планете другой.

С половины шестого
Остановлены дни,
Это проще простого:
Мы остались одни!

* * *

Мы в электричке полутемной.
Никто не ведает о нас.
Серьезность
                    бабочкой огромной
Дрожит в разлете чутких глаз.

То улыбнемся, как вначале,
То грустны.
                    Целый фильм немой!
И все, что мы перемолчали,
Везем домой, везем домой...

* * *

В десятом — ждал и счастлив был, что жду.
В двенадцатом — стирал с окна дыханье.
Потом сожгло последнюю звезду
Последней электрички полыханье.

И все, о чем и думать бы — не сметь,
О чем душа, чтоб не было, молила:
Война, сума, безумье, старость, смерть —
Во тьме прорепетировано было.

* * *

Отдать, остаться нищим,
Ах — под ноги весь свет!
Не все ли это ищем,
Не в этом ли секрет?

Да чтобы закружило
Само, не по мольбе,
И чье-то сердце стыло
Вот так же о тебе.

О, не мертвей тревожно,
Не бойся — в глубь любви.
Пусть сложно, да не ложно,
Нежданно — а плыви!

И там, где горше горя
И где уже не ждешь,—
На самый гребень моря,
Как посуху, взойдешь.

* * *

Жизнь — не такой уж добрый гений,
Не много на ее счету
Неумирающих мгновений,
Перебивающих тщету.

И чтоб из них хотя бы с частью
Не расставаться никогда,
Творите памятники счастью,
Пока не схлынула вода.

* * *

Шалунья девочка — душа...

А. Блок

Душа горит любовью
Во здравие свое,
А сердце — платит кровью
За прихоти ее.

Душа катит, не каясь,
С ухмылкой седока,
А сердце, задыхаясь,
О воздух рвет бока.

Душе блаженство — вор ли,
Злодей ли искусил,
А сердце рвется в горле,
Отдав остаток сил.

В бездонном небе тая,
Лишь памятью дыша,
На землю,
отлетая,
Хоть посмотри, душа!

* * *

Что в мире может быть безгрешней,
Чем упоение черешней,
Ее прохладной кислотой,

Ее усладой красно-белой,
Порой как будто недоспелой,
Порою словно золотой.

На деснах зимняя оскома,
И травка всякая искома,
А в сновиденьях — пир плодов,

И за последней гранью вешней
Посланцы лета все успешней
Трубят о нем на сто ладов.

Ничем пока что не прославясь,
Цветам наследовала завязь
И зреет в зелени сквозной,

Среди цветных переплетений.
...И ты в горячий свет из тени
Вступаешь — вызванная мной!

ПОД ВОДОЙ

Из пляжной лоснящейся давки
По тверди гремучих камней,
Поддернув цветастые плавки
И ветер глотая вольней,
Посланец неведомой касты,
Смотритель морской кладовой,
Натягивай маску и ласты
И с брызгами — вниз головой!

...Где космы колышутся слабо
На скулах коричневых глыб,
Увидеть уклончивость краба
И верткую сплющенность рыб,
Представить подводную лодку...
Но только войдешь в эту роль,
Как вдруг в пресноводную глотку
Проникнет горчащая соль.

«Тьфу, дьявол! — хохочешь беззвучно.—
Не сахар — условья среды!»
Но, если припомнить научно,
Мы вышли из этой воды.
Мятежна, темна, окаянна,
Невидимой жизни полна,

Наследница бурь океана,
Как он, наша кровь солона.

...Но зову извечному внемлю —
О, время — русалочий хвост!
Скорее из глуби на землю!
(А там уж вот-вот и до звезд.)
...И в царство цветных полотенец
Вступаешь, в шипении пен,
Где сраму неймущий младенец
Полощется, наг и блажен.

* * *

Два слоя встречных облаков
Летят без шороха, без шума,
Как две одновременных думы.
И между ними — глубоко!

И, эклектизма не боясь,
В лохмотьях близких светит дальность.
И ставит зримая реальность
Превыше критики их связь.

И живописцам не дано
Найти в себе такую смелость,
Чтоб так по-разному синело
В разрывах — солнечное дно.

ЛИСТОК ИЗ БЛОКНОТА

Напутствуемый тобою,
По службе влекусь на юг,
Где небо не голубое —
Зеленое, словно луг.

И прежде чем слышен — понят
(«Да!» — прежде чем: «Обещай!»),
Твой голос все тонет, тонет,
И только в глазах: прощай!

...И вот — тороплюсь по делу
В краю, где царит покой
И солнце скользит по телу
Бесстыжей своей рукой.

Но, болью твоей завьюжен,
Любовью заворожен,
Я здешним княжнам не нужен,
И мне не до тех княжон.

И только одно запомнить:
Как вечером, при луне,—
Ура-а, наконец-то в волны!
И море бежит ко мне.

Как пульсом в гигантском теле
Над миром гудит прибой.
Как до смерти, в самом деле,
Мне хочется быть с тобой.

* * *

Сосны и тополя,
Круглая мать-Земля,
Вечным трудом крестьянским
Вытканные поля.

За белизной берез
Ели темны до слез,
Лес, обступая душу,
Ластится, словно пес.

Властно пригнув траву,
Ветер запел: живу-у!
Веется одуванчик
Блестками в синеву.

Хлеба и молока
Сытость — кругла, легка.
Тают в глазах любимой
Пенные облака.

* * *

Подхватила и понесла
Предвокзальная суета —
Неоконченные дела,
Неоплаченные счета...

Жизнь уходит в прощальный жест,
Сумрак сердце твое берет.
Есть же счастье, когда отъезд
Обозначен за год вперед

И не надо тех нитей рвать,
Что врезаются в плоть и в кровь.
И делить пополам любовь —
Это хуже, чем убивать.

* * *

Уже давно во тьме кромешной
Не кружат наши фонари,
И боль, невидимая внешне,
Пережигает все внутри.

И неумолчное: проснуться
Твоих ресниц невдалеке,
И неумолчное: коснуться
Рассвета на твоей щеке.

* * *

Каждый миг с тобой — как уходят вглубь,
Каждый миг с тобой — как идут на дно,
Если слева: «Стой!», если справа: «Глуп!» —
Лишь махну рукой — поздно все равно.

От всего, от всех — как уходят в лес,
Позабыть про сон, только б каждый миг
Узнавать в себе твой певучий плеск,
Различать во мгле твой текучий лик.

Глубина — давно за пределом цифр,
Повернуть наверх — опоздал давно.
Что там — жизнь и смерть!
Только б знать твой шифр,
А спасать себя — поздно все равно.

И не нужен свет, и не надо дна,
Не хочу узнать, как вернуться вспять,
Стен меж нами нет, глубина одна,
Ты мне вся нужна, вся — за пядью пядь!

* * *

Копим ветер.
                    Копим шепот.
Дождь.
            Ночная пелена.
Опыт...
            Опыт.
                    Опыт!
                            Опыт!!
Опыт — полная цена.

Растворись волной туманной,
Счастьем выси голубя.
Опыт, опыт... друг обманный,
Как же сладко без тебя!

* * *

Да что там — Канны или Варна!
Лишь стоит веки мне смежить —
Увижу белый город Нарву,
Где довелось однажды жить,

Где непривычен окнам глянец
И смотрит матово фасад,
Где вместо пыли — белый сланец
Так тонко пудрит дом и сад.

Нет, тут не Варна и не Ницца,
Тут каждый день к семи утра
Плывут обветренные лица
В огне рассветного костра...

Как длинно тени стлало солнце!
Норд-ост в оградах пел, упруг.
Названья улиц — Линда, Сонда —
Звучали музыкой вокруг,

И стража башен вековая
Не пробуждала в сердце спесь,
И, о прошедшем узнавая,
Душа взрослеть спешила здесь.

ПЕВЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Да будет славен город, что украшен
Граненым средоточьем замков, башен,
Преданий, снов и яви старины.
Но если крылья вам дарует воля —
Да посетит вас Певческое поле
В холодный и ненастный миг весны.

Пускай вас надпись не возьмет на пушку,
Что все сейчас закрыто на просушку,—
Земля живых всевечно хороша,
И вид ее не может быть случаен
И в пору снеготаяний и таинств,
Которым причащается душа.

По глинистым откосам долог, труден
Подъем сквозь леденящий дождик буден,
Но обернетесь наверху не зря —
Запечатлеть ошеломленным взором
Навес эстрады, как утес над морем,
Иль вросший в твердь шелом богатыря,

Наклонно вросший в твердь — защиты ради
Ступенчатых подмостьев на эстраде,
Бегущих вниз, к бессчетности скамей,

Спускающихся по полю пологого,
Для скольких — подскажите, ради бога,—
Поселков, сел, содружеств, братств, семей?!

Как ты пустынно, Певческое поле!
Но внятен день иной: в единой воле
Лицом к лицу с собой встает народ,
И этот праздник в мире все известней,
Когда народ в свои глядится песни,
Как в зеркало лесное — небосвод.

Все перед ликом вечности забыто:
Назойливая рябь земного быта,
Противоборство возрастов, страстей,
Прямолинейность старших, буйство младших,
Зазнайство вознесенных, желчность падших
И странности отдельных областей.

Противоречья движущие, сдвиньтесь
В день праздника. Да согласит вас синтез
В гармонии волшебной, без помех.
Своим колосьям да прошепчет нива
О мудрости жить сча́стливо, счастли́во
Под солнцем, под единственным для всех.

Нет образа прекраснее и проще,
Когда в зените этой доброй мощи
Встает народ — живой, не монумент.
И девушка, которой скоро, скоро
Впервые влить свой голос в волны хора,
Вплетает в косу лучшую из лент.

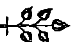
* * *

Бой часов в соседнем доме —
Половинный, четвертной —
Отрезает ночи доли
И съедает по одной.

Спит (как спит квартира снизу)
В одеялах туч луна.
Что ж тебе мешает визу
Получить в пределы сна?

То ли повесть жизни чьей-то
Проросла в твоей душе?
То ль твоя вина-злодейство
В неотплаченном гроше?

Или скептиком премудрым
Упустил свой звездный час?
Или то, что грянет утром,
С ночи бродит возле нас?



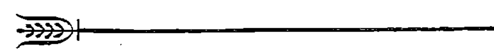
РАВНОДЕНСТВИЕ

Свет — вровень тьме. Двумя крылами
Взмахнуло время. В эти дни
Застынут реки зеркалами,
Двоя прибрежные огни.

И разве в точном снимке зданий
И в нерасплесканной луне
Нет передышки от метаний
И приглашенья к тишине?

За симметрией сказки этой
Нам и своя судьба видней.
Здесь, в опрокинутых ответах,
Дрожит загадка *наших* дней.

Созвездья робко входят в воду,
Затишье сердца слышит речь...
Как тут не веровать в природу
И с ней согласья не беречь!



РЕКЛАМА ОСЕННИМ ОТПУСКАМ

Счастье — мчаться в частый ельник,
Подзадоривать мотор.
Тихий, ясный понедельник,
Неба серого простор.

Потемнели купы сосен
В жарком золоте берез...
Всех времен прекрасней осень!
День прозрачен и тверез,

Вечер призрачен и долог,
Ночь распахнута в миры,
Предрассветный холод колок,
Сны — нежданны и мудры.

Никуда тебе не деться
От возвышенности дум,
Воскрешенной веры детства
Не растратить наобум.

...И опять — полощем душу
В отраженных облаках
И несем ее на сушу
В раскрасневшихся руках.

ОДА КРАСИВЫМ МАРКАМ

Марки на письмах.
Порой ординарны до ужаса.
Кто-нибудь скажет, что с марок
не есть и не пить,
Не поддавайтесь!
Не надо особого мужества —
В залах почтамта красивые марки купить.

Дни да не будут их филателией уменьшены,
Словно в гарем умыкающей марки в альбом.
Прочь, маркоманы!
Красивые марки — как
женщины,
Им бы подольше на шаре кружить голубом.

Путь их ничуть не страшит. Пусть конверты
обшарканы,
Как чемоданы.
Красавицы марки — свежи!
О, посылайте все письма с красивыми марками,
Дело красавиц — шутя покорять рубежи!

Дайте испить им страстей,
совершить
прегрешения,
Не засушите в расцвете — в альбоме,— в гробу.

Пусть под глазами круги — синяками гашения —
Ставит им жизнь,
ставит город и дату — судьбу.
Пылкие письма простятся вам
даже с помарками,
Лишь бы не лезла в слова канцелярская сушь.
...Мчатся по свету
конверты с красивыми
марками,
Словно в магнитных полях
стосковавшихся душ.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Млечный Путь — уплотнение света
У витрин, у афиш, у дверей,
Волшебства золотая карета,
Золотые пески фонарей,

Вечный праздник, веселая Вена,
Изумленные возгласы глаз,
Млечный Путь — бесконечная смена
Повторенного тысячи раз.

Распечатанной страсти захлесты,
Раззадоренной крови бега,
Беззаботно плывущие звезды
И улыбки почти донага.

Во блаженстве от млечного хмеля,
Ноги врозь, а смекалка трезва,
Хохоча надо всеми, Емеля
Для потехи плетет кружева.

Отражают молочные стекла
Молодых Бонапартов тщету,
У виска честолюбие взмокло,
Отчего пересохло во рту.

Боже! Как не терпелось — героем
В двадцать лет
покорить
Млечный Путь!
Взглядом, видом, словечком, покроем
Хоть чужим, хоть на миг, а блеснуть!

В эпицентре уверенных мнений,
В окруженье аршинных имен
Ты как будто и сам вне сомнений —
Всемогущ, элегантен, умен.

...Наважденье манило, бежало
В зеркалах, не меняясь в лице,
Молодым, а потом — моложавым,
Молодящимся — в самом конце,

Веселящимся вместе со всеми,
Где не молкнет рекламный тамтам...
Хватит, выросли.
Самое время —
Расплатиться по этим счетам.

СЕНТЯБРЬ

Как этот запах нам знаком!
И все пьянее он,
все крепче.
Опавший лист о чем-то шепчет
Своим шершавым языком.

А ветер ходит выше крыш.
Пруды застыли без движенья,
И сам себя не отличишь
От своего же отраженья.

И ранним утром
встать готов —
Ловить осенний первый иней
В том царстве,
где из всех цветов
Остались — золотой и синий.

* * *

Еще дождям кропить и литься —
Уже немыслима гроза...
Берет в ладони наши лица
И смотрит осень нам в глаза.

Крыть крыши, и менять подковы,
И наблюдать, как стынет свет.
Нас спросит осень: вы готовы?
А мы ответим честно: нет!

Душа оттаивала сложно
Прошедшим зиму воробьем,
И разве так, с налету, можно
Вогнать ее в былой объем?

Она — уже другая птица,
И чертит по небу, дерзя,
И не желает поместиться
За прутья прежнего «нельзя!».

Ах, осень!
                    Перед стужей длинной
Дай все, чего недодала,—
Под серебринкой паутинной,
На чистом золоте тепла.

* * *

В трудах стирается алмаз,
Любовь горит, сгорает,
Ветшает шелк блиставших фраз,
Но пыль — не умирает.

О, если все века могли б
Подать из праха голос!
Пыльца средневековых лип,
Сожженный солнцем колос,

Пылавших писем горький пепл
И пепел метеоров —
Вошли и в кровь, и в плоть, и в хлеб,
Невидимы для взоров.

Слой пыли на твоем столе,
Самум на перекрестке
Вмещают все, что на Земле
Вступало на подмостки.

И, зачерпнув рукою горсть
Дорожной честной пыли,
Услышишь,
                    жизни краткий гость,
Шуршащее: м ы б ы л и!

* * *

Не от невежества и дури,
То озаряясь, то скорбя,
Источник радости и бури
Ищу упорно вне себя.

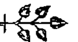
Когда я слышу поминутно:
«Эй ты, гордись самим собой!» —
Мне как-то очень неуютно
Возиться с собственной судьбой.

Зовущий свет далек и редок,
Но негасим. Огни горят,
К которым наш стремился предок,
К которым наш стремится брат.

И чей-то грех, и чей-то гений
Под их лучом — уже ничей.
Пересечение стремлений
Творит источники лучей.

...Внести свой квант в источник света,
Услышать музыку сквозь шум —
Мне ничего не жаль за это.
О, все возьми, властитель дум,

Но, от ресницы до десницы
Размерив подвига размах,
Не уставай — тревожить, сниться,
Вести — господствовать в умах!



* * *

На черных ветвях расцветает печаль,
Отплата веселости летней.
Куда ни отправься и где ни причаль —
Печалью цветущие ветви.

Они прорезают хрусталики глаз,
Жестки, как слова протокола,
А небо, на месте опавших прикрас,
Сквозит незнакомо и голо.

Сквозь ветви проносятся люди и дни,
Лишенные прежнего блеска,
И судьбы, без листьев иллюзий, видны,
Как ветви,— пронзительно резко.

Идет по ветвям летаргический ток,
Срываясь разрядами в воздух,
И скоро снежинка — гигантский цветок —
Над миром раскроется в звездах.

* * *

Просолились грибы. Отшумели парады.
Ожидание снега в сквозной черноте.
Путевые заметки, итоги, награды
В заголовках рябят на газетном листе.

Перекрестки, как должно, опять полосаты,
Перламутром горит водосточная жесть,
Через свежую охру сыреют фасады,
И приходит черед благодарность вознесть —

После зимней, весенней и летней осады
Вновь себя обретая таким, какой есть!

* * *

Зима объединила землю.
(Так вот откуда — свет очей!)
Зима, как крышу, суть подъемлет
Над миллиардом мелочей.

Легли дороженьки, не вертят,
Не ищут поводов свернуть.
По всей земле, от сердца к сердцу,
Кратчайший — белый — чистый путь.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

1. 1913 ГОД

Ничего не происходит,
Все по-старому в миру...

Только время-то проходит,
Час с минутой счеты сводит,

Только сила в ком-то бродит,
Выйти — крышки не находит,

Только кто-то зá нос водит,
Только чей-то век уходит,

Буря в соснах колобродит,
Бурелом лежит в бору...

Ничего не происходит —
Просыпаются в жару!

2. ПОЕЗД НА ВЯЗЬМУ

Зеленым низом выносит шалый,
А где же солнце, когда зашло?

...А голубь сизый на небе алом
Над горизонтом вознес крыло.

А по деревням — кадриль комарья,
А под откосом — косой коси,
Соцветьем древним иван-да-марья
Уходят в росы лесной Руси.

Иван лиловый, почти пунцовый,
Красою Марьи озолочен.
Чего ж ты хмурый, такой суровый,
Еще не скошен, не разлучен?

Еще деревня, еще не рота.
Еще медова, а не вдова.
Как воздух сладок! Как жить охота!
...И днем и ночью цветет трава.

3. 1914 ГОД

Ожидается — неясно, что и где,
Только стелется негласно: быть беде!

Потемнели заголовки у газет,
Разобрали в лавках соль и маркизет.

Вот на площадь, как на вражеский редут,
Через город несмышленышей ведут.

Это значит — снова русская судьба —
Морем времени плывущие гроба.

Это значит — снова русская беда —
Мало пушек да несытая еда.

...На подмостках все начальство, как гора,
Из рядов несется ломкое «ура»...

А глазами встретят мать и отца —
А на них как будто нету лица.

Что там дышит, что молчит у дверей?
И никто не скажет: «Хоть бы скорей!»

4. НАРОД

Народ осознает себя,
Сынов на труд благословляя,
На твердях радостей дробя
И в тиглях горестей сплавляя.

Стремись вперед, а можешь — вбок,
Спеша к триумфам иль покою
И руль поставив, словно бог,
Своею собственной рукою.

Но, осознав, что ад и рай
В огне единой жизни слиты,
Не забывай, что есть и край,
Где от народа — только плиты.

Он, как отец у нас,— один.
И мы себя в народе числим.
И с ним ты — царь и господин,
А сгинет он — и ты немыслим.

Ищи до самого конца
В себе, взрослея год за годом,
Черты бессмертного лица,
Что называется — народом.

* * *

Серым волком утро воет,
Пробуждается струна...
Сколько стоит, сколько стоит
Горсть обсохшего зерна?

День на вечер планы строит,
Не жалеет ничего.
Сколько стоит, сколько стоит
Свет небес на одного?

Вечер в речке ноги моет,
В сердце входит мир теней...
Что ты ищешь? Сколько стоишь
В вечной смене беглых дней?

Многолик и эфемерен,
День завянет, словно цвет.
Только то, чему ты верен,
Оставляет некий след.

* * *

О, будь я всем чужой, один —
Мудрец без племени и роду,
Какую б я узнал свободу,
Души и тела господин!

Но я — лишь атом той земли,
Где сопричастен каждой боли,
Через которую прошли
Мыслитель, труженик и воин.

Вдохнешь отечества дымок —
И сразу станет не до шуток.
И в каждой радости я чуток,
И в счастье — полон я тревог.

ЛИСТОК, НАЙДЕННЫЙ МЕЖ СТРАНИЦ ЛЕТОПИСИ

«...О господи!
Через какие бездны
Отчаянья, мертвящего, как сушь,
Ведешь ты сердцу твоему любезных,
Отмеченных тобой из тысяч душ!

Вот я сижу, виски протиснув в руки,
Вдавив до онеменья локти в стол,
И мне темно. И умерли все звуки.
Я ничего не помню, пуст и гол.

И впору мне идти за подаяньем
И чуть ли не прощения просить
У тех, кто не зажжен твоим сияньем,
Приученный единым хлебом жить...»

* * *

Купол родных слав.
Храм: Феофан Грек.
Русский язык трав,
Русский язык рек.

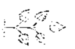
Пламя гнедых грив,
Белых полей наст.
Русский язык жив,
Русский язык в нас.

С неба косой дождь,
В дымную даль путь.
Русский язык — вождь,
Русский язык — суть.

В пеплах стоит печь,
Гарью обвит сук.
Русских могил речь,
Русский язык мук.

Тысячи — лиц нет,
Вместо имен — мы!
Русский язык бед,
Свет из времен тьмы.

Но возвещал сон,
Но озарял час —
Русскую синь солнц,
Русскую песнь глаз!



ПРОВИНЦИЯ

Названия греют и нежат:
Осташков, Медынь, Олонец,
Куда-то торопится Бежецк,
Куда-то бежит Торопец.

Гадаем: какими делами
Вошел в родословную к нам
Звенигород? Колоколами?
И волоком — Волоколамск?

Что в прянике вяземском тает?
Что Мглин укрывает в ночи?
И рано ль скворцы прилетают
В Ветлугу и в Боровичи?

Ну что же — расследуй, не мешкай,
Потешимся этой игрой.
Ты справочник, с тихой усмешкой,
В конце иль в начале открой.

Сейчас я вам всем, пошехонцы!
...Но вдруг поубавится спесь,
И ты вспоминаешь: там солнце
Восходит не реже, чем здесь.

Судьбы всенародной зениты
И кручи — хранят письмена.
Прославлены иль знамениты,
Сограждан звучат имена.

Провинция? Неординарны —
Строитель, чей ум был остер;
Друг Пушкина; летчик полярный;
Твой самый любимый актер.

Елабугу тронь... Вереница
Фамилий. Одический лист!
От кавалериста-девицы —
К ученому (вздох заграницы!),

От маршальской грозной десницы —
К лесам, где бродил пейзажист.
Две венчанных Музой царицы
В России? Одной из цариц —

Последнее успокоенье...
А Старая Русса? А Ржев?
А Углич? Встают поколенья,
Сменяются радость и гнев.

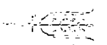
Да так ли уж провинциален
Покой небольших городков?
А может — провиденциален
В масштабе страны и веков?

Помянуты бронзовым словом,
Признаньем всемирности дел,
Кто хаживал тихим Козловом,
Кто в гжатское небо глядел.

Провинция! Вторить не стану:
«Размах недостаточен твой!»
Нет. Верю в тебя, полустанок
Меж русской землей и Москвой.

Плененный столичностью броской,
Все помню, однажды открыв,
Твоей позабытости роскошь,
Сиреней лирический взрыв,

Подземную музыку пасек,
Любовь к наблюденью планет...
Пока это рядом, в запасе,—
Причин для уныния нет.



ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тропинка поднималась темным лесом,
Под плотным, хвойным, дышащим навесом.
Идущие смотрели с интересом
И взвешивали взглядом тот навес.
Темнело. Завершалось воскресенье.
Шла осень... Это все-таки спасенье —
Сбежать от городского мельтешенья
На пару дней в глухой далекий лес.

Две-три версты до станции осталось.
Глубокая и сладкая усталость
Так позабыто в нас переливалась,
Прося о сокращении пути!
Прищурившись, заметил наш вожатый,
Что возле той сосны щеголеватой,
Янтаринками длинными богатой,
Могли б свернуть и напрямик дойти.

Как водится, мы времени не знали,
Когда приходит поезд. Лишь гадали,
А в сапогах дремать в дощатом зале —
Не улыбалось... Хором: «Напрямик!»—
Вскричали все. «Конечно, целиною!»

Сошли с тропы. Вожак, подобно Ною,
Уверен был. Тропинка за спиною
Вильнула и исчезла в тот же миг.

Деревья словно сдвинулись. От их ли
Молчанья как-то сразу мы притихли?
От шороха ль сухих иголок, рыхло
Прикрывших тьму невидимой земли?
Пошли подъемы, спуски, перепады,
Кривым был путь прямой! Молчим — не рады.
Какое-то подобие преграды
Обзор перечеркнуло нам вдали.

Мы подошли. Уложенные ровно,
Лесной просвет загородили бревна,
Вернее — тени бревен. Кто-то, словно
Завороженный, тронул каблуком —
И оболочка сразу проломилась,
Как скорлупа. Внутри уже не гнилость,
А пустота была. Как будто снилось:
Отборный лес, истлевший целиком!

От черноты, в массив готовой слиться,
К вожатому мы обратили лица.
«Да...— он сказал,— могли бы с курса сбиться;
Мне часто лесниковские жильцы
Пророчили: «Узнаешь каждым нервом —
Там кто-то взял участок, в сорок первом,
Под крышу б до зимы довел, наверно...
Но даже не успел начать венцы...»

Простой ответ. Войны знакомый почерк
И в сей глуши оставил жирный прочерк,
И эту глушь статистика проскочит,
Не присчитав к народу никого.

Лес, мастерской рукою покоренный,
Лес — вынянченный, ровный, окоренный,
Когда-то свежей стружкой озаренный —
Ждал столько, сколько мог. И нет его.

И помню, вот что показалось странным:
Зеленый мир — всегда, по свежим ранам,
Крапивным или ягодным бурьяном
Готовый зарастить любой просвет —
Не тронул место будущего дома,
Не просигналил войску травяному,
Как будто слышал звук шагов знакомых,
Мол, стало б веселей с тобой, сосед...

Забытые лесины! Не давите
На сердце. Где ж остался тот строитель,
Теперь уже совсем нездешний житель,
Успел ли он хоть вспомнить-то о вас?
Успел ли, хоть в последнее мгновенье,
Сквозь жаркую завесу отчужденья
Увидеть завершенное строенье
И за окном — зарницы детских глаз?

...По нам ударил залп видений всяких:
Не бревна — плот в жестокой той атаке,
Среди реки исчезнувший во мраке
За первой вспышкой встречного огня.
Не лес, что окорен был для работы,—
Вязанки шестиствольных минометов
Искали затаившуюся роту,
От страха и от ярости звеня.

...И снова предзакатным лесом темным
Торопимся. Молчим о том огромном,
Что, встретившись с маршрутом нашим
скромным,

Оставило на нем свою печать.
Деревья — как зенитные орудья,
И нас уже не радует безлюдье,
И хочется, вдохнувши полной грудью,
Кому-то громко «Здравствуйте!» кричать.

В воображенье стыли перекрестки,
Асфальта гладь взломал кустарник жесткий,
Трава в подъезды лезла. По известке
Шли трещины — то вкривь, то прямиком.
Подземным глянцевитым переходом
Переползали змеи и у входа
На солнышке лежали. Дом, где мода
Блистала,— зарастал зеленым мхом.

Вот гастроном и с ним театр в обнимку —
Хотя бы человека-невидимку
Услышать! Хоть бензиновую дымку
Прибавить к этой ясности сквозной!
Витрину занавесила плющина,
Через афишу вылезла хвощина...
Я огляделся: что за чертовщина
Творится этим вечером со мной?

Лес расступался. Перед нашим взором,
Приветственно взмахнув нам семафором,
Мир станции открылся. «Полный кворум! —
Вскричал вожатый.— Мы здесь не одни!»
Из зала ожидания туристы
Вдруг высыпали. Если и не триста,
Так тридцать — точно. Верещал транзистор
И нас не злил. И тут зажглись огни.

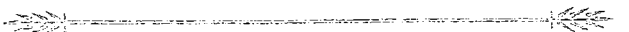
Программа выполнялась без изъяна:
Минуты две до поезда! Как пьяный —
Без рюкзака. Небритый и румяный.

...Подумать, подышать на холодке;
С внезапным ощущеньем переклички
Заметить в ожиданье электрички,
Что ты без шапки, снятой по привычке
Еще тогда, а шапка — вот, в руке.

* * *

Сплав ненависти и любви,
Все страсти слиты по две...
На что их зов тебя подвиг,
На подлость иль на подвиг?

Кто испытал одну лишь страсть,
Одну лишь сласть без соли?
...Свобода воли — только часть
Большой свободы боли.



* * *

Известно, что ложь умирает
(«А правда не меркнет века!»),
Что ложь на глазах выгорает.
Но так же и жизнь коротка.

И станет безмерно обидно,
Когда наглядишься на свет,
Что правда не так очевидна,
Как думал в четырнадцать лет.

Пречистую правду копают
Да по миру ходят с сумой.
А ложь немоту покупает
И кажется правдой самой.

Вот так и уйдешь, беспокоясь.
Наследнику: правды держись!
И молча: как мало на поиск
Дается — всего только жизнь.

* * *

Не от любви, не от тоски,
Не от закатных роз —
От суеты беги в пески
Надолго и всерьез.

Такой плывет над миром век,
Такой блестит клинок,
Что ты не полный человек,
Пока не одинок.

Ты сам затмил всевышних свет,
Умерил высших власть —
За это должен весь ответ
Тебе на плечи пасть.

Уже не спрятаться в нору,
Не скрыться за толпой.
Ты сам ломился в ту игру!
Так пой же, светик, пой.

Ожоги помни и цени,
Фильтруй поток вестей,
Не то тебя растащат дни
На тысячу частей.

И чтоб не стать рабом тому,
Кто злобен да умен,—
Необходимо самому
Постигнуть *связь времен*.

МОЛОДЫЕ — ВЕТЕРАНАМ

В словах солдат, вернувшихся с войны,
Есть магия. Ей трудно не поддаться:
Хватили бед на поприще солдатском,
До костяка души обожжены.

Но день за днем, и вслед за годом — год...
И на земле, вскормившей нас сурово,
Существованье некоторых льгот
Несправедливо к новобранцам слова.

Война — но не тюрьма и не сума —
Сердца седых солдат ночами гложет.
Да, кто-то на войне сошел с ума —
Но кто-то в м и р е в ум войти не может.

Да, эту память рано сдать в музей.
Да, кровью сердца пишут эти были.
Да, кто-то пережил своих друзей.
Но, боже мой — какое счастье — были!

...Смиритесь же, солдаты давних лет,
С нелегкой славой новых поколений,
С их знаками и бедствий, и побед,
С их мужеством скрываемых ранений.

За правду, за свободу, за любовь
Недужный мир безумной бьет ценою,
Но лишь когда открыто льется кровь,
Мы начинаем это звать войною!

2

ЯМБЫ

Как все — и смертен я, и тленен,
И так же прав, как и не прав;
Набор случайных впечатлений
Зову единственной из правд.

Мне голос догмы ненавистен.
Я нашим дням хочу служить.
А для познанья вечных истин,
Пожалуй, вечно надо жить!

Зато, пока я жив, повсюду
Со мной мой самый главный дар.
Его единственность — как чудо.
Его мгновенность — как удар.

И, чем иную жизнь ни меряй,
Как в объективность ни играй,
Своя — единственный критерий.
В несчастье — ад.
А в счастье — рай.

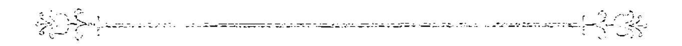
Пускай выделывает петли
Моей тревожной жизни нить,

Но эту жизнь —
прекрасна, нет ли —
Ни с чем на свете не сравнить!

Ни с тем, что в дальнем завтра будет,
Ни с тем, чего давно уж нет.
Ни с топом кремниевых чудищ
В азотной мгле других планет.

У мыслей там иные лики,
В живой среде — иной обмен.
И есть ли там любовь —
великий,
Объявший Землю феномен?

Мне голос догмы ненавистен.
Я остановок не терплю.
Я в непрерывной смене истин.
Но неизменно —
я люблю!



НОВЫЕ ДОМА В СТАРОМ ГОРОДЕ

Страсть перестроек — не пустячный зуд:
«Окраинами время не насытишь...»
На дно души уходит новый Китеж,
Взрывчатку вдоль по улицам везут.

А ныне город вырастил детей,
Умом и удальством не хуже предков,—
Их трудно спорной мудростью запретов
От богатырских уводить затей.

И ни простое рубленое «Да!»,
Ни каменное «Нет!» — не объясняют,
Каким очарованием пленяют
Слои времен, слагая города.

...Идут, стирая мел на рукаве,
Дворами, и без песен залихватских,
Подрывники — поди узнай их в штатском! —
И авторы проектов во главе.

Они громят «доходные дома»,
Но кое-где — бесценную старинку,
Где стены помнят Пушкина и Глинку,
Где в окна билось «Горе от ума».

И в городе уже сложился фронт:
Сражаются общественные мненья,
Рождая очаги сопротивленья
В стремленье трезвом: сократить урон.

Дом отстояли, а соседний — нет.
Храм защитили, потеряв ограду.
Отбили в контратаке колоннаду,
Под натиском отдали лазарет.

Здесь так навеки переплетено
Невечное с неоценимым вечным,
Что никаким терпеньем бесконечным
Их разделить без боли не дано.

Украсившая два материка
Земля отцов, бесценное наследство,
Как ни одна другая велика,—
Мы все запоминаем это с детства.

И, слава богу, места вдоволь есть,
Куда бетоном вписывать эпохи,
Не зарясь на веков прошедших крохи.
О первооткрывательская честь,

От островков застроенной земли
Ты первозданным замани простором!
Да сохранится мрачный дом, в котором
Виденья Достоевского прошли!

ПОЛДЕНЬ

Каймой предгорных домиков и дач,
По камню, раскалившемуся зверски,
Вдоль линии электропередач
Я шел на голубеющую церковь.

А город был, по сути, очень мал,
Хотя имел он громкое названье,
И храм своей оградой обнимал
Всю многоликость сосуществованья.

Землею упокоены навек,
Пройдя круги своих многометаний,
Лежали рядом славянин и грек,
Безбожник, иудей, магометанин.

Вставали за колючками куста,
В одних и тех же грозах перемыты,
И крест, и полумесяц, и звезда,
Похожие венчая пирамиды.

И я взошел ступенями во храм,
И было чудо веющей прохлады,
Светилось небо Ильменей и Ладог
В высоких полукружьях узких рам.

Пылинку восходящий нес поток,
И колоколом сердце билось в ребра.
Вошла старуха, темная, как образ,
И снежно-белый тронула платок.

И, в темноту алтарную уйдя,
Был серебра тяжелый отблеск вкраплен,
Как вечером осинник в темных каплях
Неслышно моросящего дождя.

Здесь родина смотрела на меня,
Здесь все ко мне имело отношенье
И ясно предвещало возвращенье,
Всей памятью земною осеня.

* * *

Поэтическое начало
В человеке озорничало,
Омывал его солнца свет,
Взор его голубел зенитом,
А по бледным его ланитам
Распускался пунцовый цвет.

И ни с чем не сравнимым даром
Под полуденным солнцем ярым
Человеку была земля.
Нет, не всяческий облик тверди —
Только эта, до самой смерти
От начального дня — своя.

Та, с которой все ломти хлеба,
Та, с которой все старты в небо,
По которой любовь боса,
Та, которая в кровь и в кожу,
Та, в которую и положат,
И сладчайшей слезой — роса!

САМЫЕ ПРОСТЫЕ ГИМНЫ

Огонь очага
Веселит наши недра,
Огонь очага
Обещает блага,
Огонь очага
Себя дарит так щедро,—
Да будет прославлен
Огонь очага!

Вода родника
Веселит наши души,
Вода родника
Не иссякнет века...
Главнейшим на свете
Сокровищем суши
Прославлена будь,
О вода родника!

Орудья труда
Утвердят и насытят,
Орудьям труда
Уступает беда,—
Века
Свою славную службу

Несите
В руках человека,
Орудья труда!

Без брата и друга
Пустынна округа,
Где друг и где брат —
Ты силен и богат.
Врагам твоим туго
От брата и друга.
Прославим же
Братство и дружбу
Стократ!

Твой собственный дом —
Это право на имя,
Твой собственный дом
Тебе дался с трудом.
Поставленный прочно
Руками твоими,
Да будет прославлен
Твой собственный дом!

Улыбка любимой
Ни с чем не сравнима.
В улыбке любимой —
Забвенье и суть.
Грядущая жизнь —
Из улыбок любимой.
Всей силой и кровью
От горя хранимой,
Все больше любимой,
Любимая, будь!

ОПОЗДАВШАЯ ВЕСНА

Весной не подводят итоги —
Весной открывают миры.
Весной мы особенно строги,
Весной — небывало добры.

Мы все в ее солнечной власти.
Под ясное небо ее
Выходим, искатели счастья,
И каждый находит свое.

А если весна опоздала,
То мы, общипав календарь,
Спешим на перроны вокзалов
К началу апреля, как встарь.

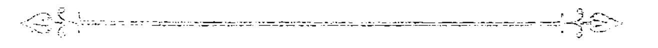
Да, видно, в пути пересадки,
Скрипит пассажирский состав...
И мы проклинаем «осадки»,
От сырости зябкой устав.

Мы бродим в весенней разведке
По лужам апрельских дорог.
Кому на чернеющей ветке
Не чудился первый листок?

К началу зеленого мая
Чудес не загадывал кто?
...Как скучно носить, не снимая,
Постылую тяжесть пальто!

Пускай еще ветрами юга
Не сдуло с небес облака —
Мы сердцем теплеем друг к другу
Без всяких признаний пока.

В раскрытые окна и двери
Весенний врывается хруст —
Ломается лед недоверий,
Открыв навигацию чувств.



* * *

В зеленоватом небе этой ночи
Плывут медузы легких облаков,
И лунный свет
по-августовски сочен
Над шелестом тенистых уголков.

Готов стоять у окон без конца я.
Тепло,
безлюдно,
тихо во дворе.
И звезды посылают мне, мерцая,
Загадочные точки и тире...

* * *

Я вас люблю чем далее, тем боле,
Не отделяя блеска от руды,
Не отличая радости от боли,
Не отрывая счастья от беды.

И как во тьме под снегом дышит семя,
Так в черный день любовь моя — жива,
И берег сердца обтекает время,
Как океан обходит острова.

* * *

Я болен лишь тоскою по тебе,
Но врач, не понимающий в судьбе,
Не слышащий твоей тоски о т т у д а,
Все думает, что этот жар — простуда.

О, если только ты войдешь сюда,—
На белом свете станет все как надо
И на стекле не будет стыть вода,
А в сердце хлынут счастье и прохлада.

* * *

Говорят философские книги,
Что мера всему — человек.
Я добавлю: которого любишь.

Сиять путеводной звездою
Себе самому — невозможно.
...Но ценность идей,
силу действий,

Но магию слов и мелодий,
Цветов удивительных прелесть —
Все можно измерить тобою,
И правда — смутна без тебя!

* * *

Я покидаю тебя ежедневно.
Миру прощанье с тобой вострубя,
Долго и ласково, нежно и гневно
Я каждый день покидаю тебя.

Я покидаю тебя ежечасно,
Только бы вовсе исчезла из глаз.
Скоро и зло, леденисто и страстно
Я покидаю тебя каждый час.

Ложь во спасенье
про новые дали.
Тихо и тайно вослед: не забудь!
Я покидаю... кого?
Не себя ли,
Только что сердцем нашедшего суть?

* * *

Досуг или работа —
По дням и по часам
Тебя гнетет забота
Тягчайшая: ты сам.

Ах, как ты мог взлетать бы,
Каким бы мог ты быть,
Коль о себе не знать бы,
Когда б себя забыть!

Но что-то серой молью
Все тратит сердца плоть,
Но что-то входит болью —
На части расколоть.

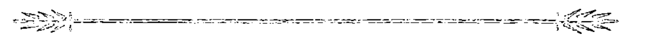
И что ты крикнешь бодро,
Как станут вдруг тесны
Свои виски и ребра,
Привычки, страхи, сны?

Все просто, словно выдох,—
От млада до седин.
Спастись — один лишь выход:
Когда ты не один!

* * *

Дни — как погода, на нуле,
Но голоса поют,
О том, что где-то на Земле
Тебя не предают.

И ты над безднами уже
Проходишь, невредим,—
Одной-единственной душе
Как жизнь необходим.



* * *

Поэту вечно дальняя нужна.
И если пробудится он однажды,
Уже не ощущая этой жажды,—
То жизнь его исчерпана до дна.

Он может быть истерзан и разбит,
Изборожден суровыми летами,
Но неизменно дальняя витает,
Касаясь молодеющих ланит.

Его дерзанья славу обрели,
И мир его встречает триумфально.
Куда же он тревожно и печально?
О всё за той, мерцающей вдали!

...Когда тобой в венце счастливых дней
Полна моей души любая долька,—
Будь женщиной, женой, судьбой, но только
Останься вечной дальностью моей!

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА

Поэт нам открывается не сразу,
Стихи не от рождения творит.
Он первую осмысленную фразу
Обыкновенной прозой говорит.

Он пять и десять лет живет на свете.
Обычные мальчишечьи дела.
И даже мать не знает о поэте,
Не знает, что поэта родила.

Он ждет еще второго дня рожденья,
Когда подходит время брить усы.
Чужие в голове стихотворенья...
И вдруг —
встречает чьи-то две косы!

И сразу — небеса заголубели,
Цветы запахли.
Мир открылся вновь.
...Две женщины стоят у колыбели:
Родная мать
и первая любовь.

* * *

Сто миллионов трепетных сердец
Услышали ответ до этой даты,
Пока я не поверил наконец,
Что о моем не вспомнишь никогда ты.

Переходя последнюю черту,
Опять узнав забытый вкус свободы,
Не стану лгать, что вот — любил не ту,
И не скажу: «Потерянные годы».

Ты стоила того, чтоб, боль тая,
Я день за днем любил тебя такую,
Какая есть.
И летопись моя
Об этом говорит любой строкою.

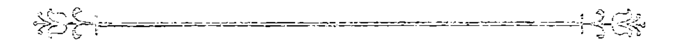
Вглядись получше в путаницу строк.
Сумей найти хотя бы слово фальши!
Но долгий
неканчающийся срок
Окончен.
Вот и всё.
Ни строчки дальше.

* * *

Был солнечен осенний этот день.
Дым поднимался вверх, не отклоняясь,
И уходящим светом осенялись
Оконца луж в недвижимой слюде.

Горели ветви наперегонки
Медовым, смоляным, кровавым светом,
Все золото, накопленное летом,
В минуту разменяв на пятаки.

И легкий шум клубился вдоль дорог,
И легкий пар расслаивал пейзажи.
...И как не улыбнуться, если даже
Печали посещают твой порог.



* * *

Луч солнца — летний, предзакатный —
Пробьется через щели штор,
И ты в волненье непонятном
Воспримешь остро жизнь — как шторм.

В луче трепещут книги, вещи
И пляшет солнечная пыль,
И ты в предчувствии зловещем
Воспримешь остро смерть — как штиль.

* * *

Первый лирик был не тот,
Кто придумал первым лиру
И сказанье, строк в пятьсот,
Подарил впервые миру.

Нет, не автор од и рун,
Первый лирик — это первый,
Кто придумал вместо струн
Натянуть на лире нервы.

* * *

Идешь черновою тетрадью, листая,—
И вдруг ослепляет страница пустая.

Тебя ослепляет пустая страница,
Былого и будущего граница.
Здесь дышит с е г о д н я. Здесь линия фронта,
Мятеж, канонада, все pro и все contra!

Удержишь? Отступишь? Пробьешься вперед?
Пустая, а оторопь душу берет!

* * *

Искусству нужны союзники.
В раскатах любой любви
Без музы не выйдет музыки,
Как струны в себе ни рви.

Зову ее неустанно я,
И, словно на крыльях мчась,
Приходит моя желанная
В неведомый день и час.

Мы с ней досидим до темени
И вместе войдем во тьму.
Сегодня не хватит времени —
Из завтрашнего займу,

Из зрелости и из старости...
Сгорю, изойду на нет,
Чтоб только алел на парусе
Ее незакатный свет.

* * *

Сопротивляйся прозе.
Точи карандаши,
И если можешь не писать,—
Конечно, не пиши.

Но, как в бутоне роза,
Расправит лепестки —
И уж назад не затолкать,
И знаешь: взят в тиски!

* * *

Как порою сквозь снег лиловатый цветок,
Так слова прорастают порой
сквозь молчание,
Пусть едва началось ледяное журчание —
Целый мир перекрасил один лепесток.

Как сквозь тяжесть гриба проникают ростки,
Так стихи прорезаются к свету
сквозь тяготы.
Добываешь свой хлеб
как простой работяга ты,—
Но не вся твоя жизнь ускользает в пески.

Как сквозь старый асфальт прорастают луга,—
Так и время
упорно сквозит сквозь безвременье,
И невзрачная малость упавшего семени
Всей грядущей весны заключает блага.

* * *

Что за прелесть — зимний воздух,
Словно шкуркой наждака
Прошлифованный на звездах
До последнего глотка.

Это сладко, это остро,
Это блещет и поет,
Это царственно и просто
Предвещает Новый год.

Приникая носом к окнам,
Окрыленная страна
Повторяет вслух: «Дай бог нам!» —
Ожидания полна.

Я таю свои желанья,
Что умею — знаю сам.
И летит туман дыханья,
Как надежда, к небесам.

ДВУХТЫСЯЧНЫМ ГОДАМ

О двухтысячные, о чем вы?
В ореоле своих нулей
Не таите ли мрак огромный
Опустевших навек полей?

Двудесятые, по сто в каждом,
Как начнете вы новый круг?
Чем ответите острым жаждам
Новых глоток, и душ, и рук?

Воцарится ли райский сервис,
Или дрогнет земная ось?..
Двадцать первый, о, двадцать первый!
Все безумнее вкривь и вкось.

* * *

Толкователи чудес —
Люди, хуже смертной казни.
Объясняют всякий праздник,
Каждый божий темный лес.

И когда придавит тишь
И в душе усохнет омут —
Толкователю такому
Говорю: за что ты мстишь?

Так ли надо — видеть даль
Всем, от мала до велика,
И с волнующего лика
Навсегда срывать вуаль?

Каждый ищет своего
На прилавках мирозданья,
А насильственное знанье
Не спасало никого!

* * *

> Словесной не место кляузе...
> Ваше
> слово,
> товарищ маузер...
>
> *В. Маяковский*

Не осталось тех, кто помнит времена,
От которых содрогалась вся страна.

Не осталось, не осталось их почти,
Где же будет правду-истину найти?

Из учебников узнать про эти дни —
Да все время исправляются они.

О магические Грифель и Резец,
Ваше время, ваше слово наконец!

БЛУДНЫЕ ДЕТИ

По насыпям, по рельсам,
По фермчатым мостам
Духовным погорельцем
Идти к родным местам.

Развеялась идея,
Да выжила земля.
Любовью холодея,
Вступить в ее поля.

Не выдержав экзамен
И поубавив спесь,
С закрытыми глазами
Поверить: это здесь!

И нежить в пальцах комья,
И пить березы сласть...
И призраком бездомья
На всё мгновенье — пасть.

СВЕТ И ТЕНЬ

Нет заблуждению конца,
Что в дальнем будущем сердца
От мук не будут разрываться,

Что люди будут мирно жить,
Свободно мыслить и творить
И беспечально целоваться.

Жизнь — это блеск и чернота.
И только плоская мечта
Совсем не знает темных граней.

Но будет литься лучших кровь,
Из рамок выходить любовь,
Свершаться горе смерти ранней.

Не умещается в умах
Терзаний будущих размах.
Вчерашних идеалов крыши

Нависли и мешают жить.
Конечно, правда выше лжи,
Но есть и правда — правды выше.

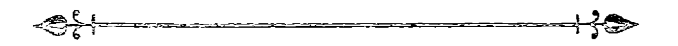
* * *

Перенести о самом страшном
Пристойно весть,
Как об известном, о всегдашнем,—
Достойно есть.

Тепло и свет незваным братьям
Спокойно несть
Навстречу карам и проклятьям —
Достойно есть.

Скрывать под маской скомороха
Лицо добра,
Когда неискренна эпоха
И не храбра,

И оплатить по капле кровью
Все, что вкусил.
Но как при этом всем
с любовью?
...О, выше сил!



КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Торопясь за барышом,
Умолчит эпоха,
Что такое хорошо,
Что такое плохо.

Где мерещится успех —
Там не до сомнений.
...И тогда, один за всех,
Платит кровью гений.

БРОДЯЧИЕ АКТЕРЫ

...За хлеб покупаете руки
И душу берете в наем,
Но всем неизвестно про звуки,
Про музыку в сердце моем.

И годы, и беды, и муки,
Но снова, как солнце, встаем,
И нету со счастьем разлуки.
И — музыка в сердце моем!

ПИСЬМО, ПОЛУЧЕННОЕ В ТЕАТРЕ «ГЛОБУС» ОТ НЕИЗВЕСТНОГО ЗРИТЕЛЯ В ДЕНЬ ПРЕМЬЕРЫ «ГАМЛЕТА»

Не выпадая ни на час
Из колеса земных стремлений,
«Кто правду выскажет о нас?! —
Мы восклицаем.— Где тот гений,

Кто зло сразит своим мечом,
Ему мы честь свою вручаем,
Его бессмертным наречем!»
...А между тем не замечаем,

Что зло, в котором мы живем,
Для нас — любым своим изгибом
Отчасти стало естеством,
Как горечь вод — безгласным рыбам.

И если вдруг великий брат
Твою откроет миру душу —
Ты даже вроде и не рад,
Как рыба, вылетев на сушу.

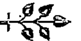
* * *

Травы легли вправо,
Травы легли влево...
Гений — лишен права,
Он на земле — древо.

Травы летят мимо,
Травы — бегом к смерти.
Гений пройдет зимы,
Гений — творец тверди...

Ветви полны дрожи,
Листья полны шума,
Ствол — устоит, сможет,
Он — до небес дума.

Листья, кора, ветви —
Все лишь творца дворня.
Он и ее светлость —
Алчная мощь корня!



ОДИН СО СВЕЧОЙ
В ПРОСТРАНСТВЕ ПОКИНУТЫХ СВОДОВ

Душа полна мерцающим простором,
Свеча полупрозрачна, воскова,
Уходит в ночь мгновенье, о котором
Теперь я вечно буду тосковать.

Но что́ ко мне слетело с этой тишью,
Что занялось от этого огня,
Прошло со мной по этому всевышью —
Уже неотделимо от меня.

Казалось, проступало под руками
Под росписями тлевшее тепло.
Ушедшего переживает камень,
Переживает образ, слово, слог.

Душа полна мерцающим покоем,
Свеча неслышно тает в тишине.
Во мне живет мгновение, о коем
Не позабуду и на Судном дне.

* * *

Тревога.
Тревога!
Тревога!!
Гудит в моем сердце набат,
И тени легли у порога,
И черные трубы трубят.

...Да по́лно!
Ведь есть же просветы,
И льются лучи без беды,
И веет надеждою лето,
Цветы превращая в плоды.

Но чем оно будет обманней,
Чем дольше стоит его жар,—
Тем вечная участь нежданней,
Тем горше немыслимость кар.

Вот люди — в незнанье счастливом,
В заботах, простых и святых.
Тень тучи, припавшая к нивам,
Еще не домчалась до них.

Ныряя в ручьи и в овраги,
Сжимаясь в невидимый ком,
Грядущие та́ти и вра́ги
Все ближе,
прыжок за прыжком.

И вот уже снова на плахе
Безгласная совесть лежит.
Ползут многоглазые страхи,
Шипят многоротые лжи.

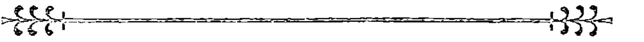
И никнет, осыпавшись, колос.
И каждый твой шаг обречен.
И только томительный голос:
«Кто во поле выйдет еще?»

Мне страшно.
Стоят за плечами
Кресты наших бедственных лет.
И я просыпаюсь ночами:
Не слышится ль дальний ответ?

Молчанье? Ну что же. Как прежде,
Шальной головой — в круговерть!
И все-таки
битва — в надежде.
А в страхе — одна только смерть.

Час пробил.
Простимся.
Простимся.
Леса мои, долы, зверье!
Открытых сердец побратимство,
Пресветлое имя твое...

Тревога!
Тревога!!
Тревога!!!
Край неба в разбойном огне.
Срывается в бездну дорога.
Но нет уже страха во мне!



* * *

Кто скажет,
                    разве мы повинны,
Что мы — лишь только половины
Разломленного существа
Из жаждущего вещества?

И каждый терпит против воли
Проникновенья острой боли,
Пока излома не найдет,
С которым точно совпадет.

Так узнаем добро и зло мы,
Пытаясь совместить изломы,
В едином целом слиться вновь...
Смерть — если только не любовь.

* * *

Икона: мать
Бросает сына в ночь.
Все понимать
И ничего не мочь.

В плену чужой
Поруки круговой —
О камень стен
Горячей головой.

О, быть быком,
Не думать ни о ком!
Или шутом,
В заботах не о том.

Взрываться, стыть,
И все цены не знать,
И все не быть...
Но умирая — стать!

* * *

Если скажут, что мне суждено умереть,
Ничего я не стану загадывать впредь.

Только ветром хочу по России промчаться:
В городах, в деревнях — все мои домочадцы.
Греться в ясности лиц
От лесов до столиц
И под каждой скворешней
Земли моей грешной.

Если скажут, что мне умереть суждено,
На прощанье оставлю желанье одно:

Чтобы та, без которой мне солнце немило,
Не узнав ничего, вдруг меня позабыла,
Не вплелись бы седы
Волоски от беды,
Не пролились бы ночи
В открытые очи...

* * *

За все заплачено сполна —
За сны и за игру,
За пламень пенного вина
На жизненном пиру,

За упоений звонкий шелк,
Обманов колкий холст,
За то, что в сделки не вошел
И в щёлки не восползь.

Вся жизнь поставлена в заклад
За царственную высь,
И холод высшей из расплат
Сближает кровь и мысль.

ЛИЦО

Коренея в собственных пороках,
Поучать не вздумаю других.
Да и толку что в таких уроках —
Для другого слишком дорогих.

Может, даже большее удастся:
У кого-то выкраду тоску,
Уделю кому-нибудь богатства,
Оброню в мечты по лепестку...

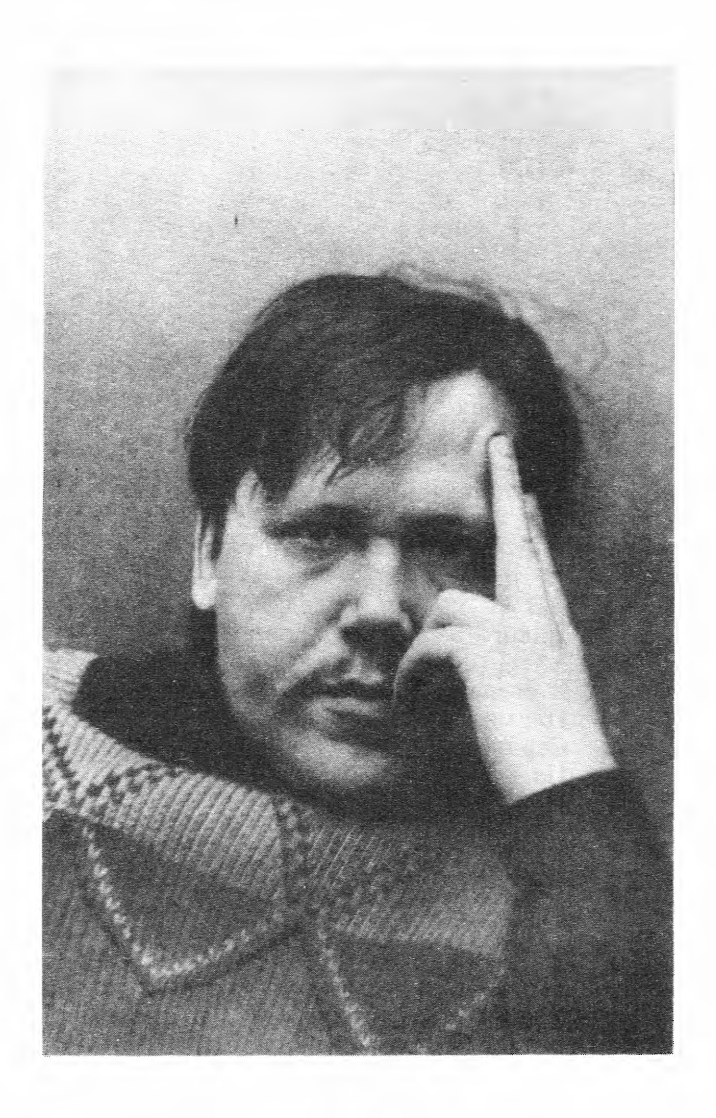
Так, никем в наставники не нанят,
Поднимусь на смертное крыльцо,
И, бог даст, событья отчеканят
Меру долгой памяти — лицо.

* * *

Я сгораю. Пламя сушит кожу,
Мышцы, мысли, сны — воспалены,
И на жизнь, которую итожу,
Замахнулась ночь серпом луны.

Я сгораю. Пламя полнит очи.
Не такой огонь, чтобы зачах!
Час безмолвья. Середина ночи.
Никого на старых каланчах.

Я сгораю. Пламя рвется к окнам.
Пламя лижет бледный неба край.
Сердце, не ответствует ли бог нам?
Но в душе молчат и ад и рай...



АЛЕКСАНДР РЫТОВ

«У каждого поэта свой путь в поэзии, своя, ни на чью не похожая тропинка в говорливом зеленом лесу русского языка, и над каждой тропинкой свои восходы и закаты, свой щебет залетных птиц, своя жизнь, входящая каждой своей гаммой в вечно меняющуюся гармонию леса.

Александр Рытов только входит в этот лес. Он пока еще где-то на опушке, но направление его тропинки идет в глубину леса, и этой тропинке уже не повернуть обратно.

Трудно предположить, да и незачем, на какую поляну она выведет, каким строем мысли и ритма удивит читателя в будущем,— это зависит только от самого поэта. Но то, что настрой его голоса радует чистотой и точностью, в этом нет никакого сомнения, и мне хочется, услышав его песню на опушке, не упустить ее из своей души, двинуться за ней дальше в лес и услышать ее там, в глубине леса...»

Так я писал в предисловии к первой книге Александра Рытова (1934—1974) «Тропы», вышедшей в Ленииздате в 1966 году.

Он был одаренным от природы человеком. Он много знал и много путешествовал.

Он писал стихи по внутренней необходимости. У него был свой взгляд на мир и своя манера письма. Он обещал быть оригинальным поэтом, и это подтвердила его вторая книга «Белый олень» (1973). В ней прослеживался рост души поэта, совершенство его мысли и мастерства.

Александр Рытов влюбленно вглядывался в причудливый красочный ковер жизни. От этой влюбленности стихи его были радостными. Она, эта радостность, цвела в каждом его слове.

Он многое не доделал из задуманного. Он рано ушел из жизни, но то, что написано им, живет и сейчас и тешит нас своей свежей радостью, которой нам надлежит удивляться и беречь это удивление.

В первом разделе печатаются стихи из книги «Белый олень», во втором — стихи, в книги А. Рытова не включавшиеся.

Михаил Дудин

1

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

Я ведь был уже, а вы меня не знали,
Было мне и двадцать, и семнадцать.
Вот стою я, как в огромном зале,
На пустынной площади Сенатской.

Той Сенатской, не смирённой сквером,
Где во мглу за уходящим годом
Скачет Петр — всегда и вечно первый,
Почерневший в битвах и заботах.

И в глазах тяжелых, воспаленных
Та же гордость — сына и тирана.
И не снег за ним, а батальоны
Седоусых нарвских ветеранов.

Я слежу за тем, как зарудеет
Кромка неба и объявит утро.
В декабре вставать еще труднее,
Чем в октябрьский предрассветный сумрак.

Я смотрю, как маленькая пристань
Колкой хвоей холода искрится...
Я — потомок русских декабристов.
Я ведь с ними тоже шел на приступ.

Помнишь, Всадник, о каре́ московцев?
Помнишь, как валились гренадеры?..
Как седое медленное солнце
От картечи вовсе оробело,

Скорбно распустило тучи-космы,
В сторону косило виновато?
Помнишь ли рябое, как от оспы,
Смятое свинцом лицо Сената?..

В памяти проклятой, не сгорая,
Сумерки, пропитанные кровью...
Помнишь на Дворцовой Николая?
Зло бывает молодым и стройным,

Зло бывает белокурым, бравым,
Отдает приказы крепким басом,
Скачет Зло к Сенатской по бульвару,
Выше перьев и крылатых касок.

Он всю жизнь проскачет без шинели,
А умрет он под шинелью, скромно,
На спартанской узенькой постели,—
Доведя Россию до разгрома...

Что ж ты не стреляешь, Якубович,
В рыжеватость будущих залысин?!
Капля стоит моря теплой крови!
Пусть услышат самый добрый выстрел!

Что ж ты медлишь? Поздно будет! Горько!
Целься! Целься ниже эполета.
Он еще «высочество» — и только.
Он еще не царь — и знает это.

Вот барьер. Тебе ли зазеваться?
Так не медли: медлить — преступленье!
Он еще боится на Сенатской.
На Сенной он крикнет: «На колени!»

Пуще ига, злей ордынской лавы
Порожденье собственных опричнин:
Наша слава — царь-то православный!
Наш позор, что кнут его привычен.

...Император, он возьмет нас порознь,
В торжестве его не будет праздных,
Потому что он научит ползать,
Потому что он отнимет разум!..

Льется сердце. Льется талым снегом.
Задыхаюсь ветром, старым ветром!..
Почему ты, Родина, от века
Мачехой бывала самым верным?..

От Конногвардейского манежа,
От Дворцовой — пики, шашки, каски...
Неужели, Родина, как прежде,
Ты допустишь утро нашей казни?..

Якубович! Пляшут барабаны.
Наших братьев к исповеди будят!
Так убей — от этой черной раны
Ни черта России не убудет...

Были бы железные дороги,
Корпус инженеров, лучших в мире,—
Только б никого не запороли,
Только бы никто не сгнил в Сибири.

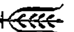
Были бы уральские заводы —
Только бы до них не на телеге,
Только бы отеческой заботой
Не извел нас грамотный фельдъегерь.

Были бы... Все будет только благом.
Образумим в косности упрямых!
Только бы поэты к свежим плахам
Не несли голов своих кудрявых,

Душ своих при жизни не сжигали,
На часах под ранцем не мертвели,
В камне, за бессонными штыками,
Не седели
и не каменели...

Так ссади его на волчьей рыси.
Так всади ему меж глаз несытых!
Так сними его, чтоб он не вызрел!
Раздавите гадину, копыта!

Ждут солдаты-смертники, ждут жадно
Зипуны и чуйки у поленниц,
Я, почти ослепнувший от жажды
Этой капли, этого паденья!



НА ДВОРЦОВОМ МОСТУ

По реке стаи льдин вдоль гранита
плывут и плывут.
Легкий перистый лед
прижимается к розовым глыбам
И скользит и скользит,
ломким звоном наполнив Неву,
И слепит хрусталем,
улыбаясь и чайкам и рыбам.

Мы летим на мосту,
на парящем Дворцовом мосту.
Тихо ветер свистит,
как мальчишка худой, голенастый.
И того и гляди фонари в синеву прорастут
Любопытной листвой —
только в крепости грянет двенадцать.

Теплоходик бежит,
под мостами водой шелестя,
Спотыкаясь, спеша, на бегу отраженье роняя.
Как тяжелые теплые-теплые капли дождя,
На асфальт из окна
вдруг упали аккорды рояля.

Водопад колоннад
обрывается с Зимнего вниз,
И вплывают в Неву
по-гренландски седые колонны,
И выносит залив
мимо наших и финских границ
На далекие отмели их ледяные короны.

АРКАДИЮ БАСАРГИНУ, КОМИССАРУ

Он умирал в траве паленой,
Он землю гладил и кромсал,—
Мой дядя — старший батальонный,
Мой самый первый комиссар.

Неполных два квадратных метра
Осевших глинистых борозд
Он закрывал собою щедро —
Насколько мог позволить рост.

Его закат кровавил почву.
Потом все вымыло дождем.
(Мы в это время ждали почту.
И до сих пор, наверно, ждем...)

Потом, вобрав цвет бурых пятен,
Весной там вырос краснотал...
Но никогда на эти пяди
Сапог немецкий не ступал!

Ты даже мертвый, распростертый
На дымных траурных ветрах,
Им был страшнее самолета —
Со звездами на рукавах...

Я не ищу тебя в траншеях,
Не ворошу ночной золы:
Ты не проигрывал сражений —
И не сожжен, и не зарыт!

Я смыслу здравому не внемлю:
По мне — ни бронза, ни гранит
Не возвестят ушедшим в землю,
Что наша память честь хранит.

Иная вечность сдавит горло,
Иной покой утешит вас...

Да не прожить мне тихо, подло,
Не оскудеть в мой день и час...

* * *

Служу я небесному стягу,
И стяг тот широк и высок.
Но время прикажет, и лягу
Под желтый тяжелый песок.
Сквозь то, что моей было грудью,
Пробьются побеги, как дым.
Апрельские талые прутья
Наполнятся сердцем моим.
И сердце расскажет вам сагу
С повтором коротеньких строк:
Служите небесному стягу,
Любите прибрежный песок.

* * *

Кому-то восемнадцать лет,
Кому-то двадцать два,
Кому-то кто-то говорил
Вечерние слова...

А ветер пел о том, о сем,
А снег летел, летел,
У чьих-то очень теплых губ
Он таял и редел...

Мы все в один хороший час
Бываем прощены,
И сердце заполняет боль
Блаженной тишины.

Ушел трамвай последний в парк —
И кто-то не успел,
Зачем-то рассмеялся вслед,
А снег летел, летел...

Кому-то дворник открывал
Сегодня ночью дверь,
Кому-то жаловаться стал:
«Погода — лютый зверь!»

И слышал дворник, как во сне,
Таинственный ответ:
«Не снег летит, летит не снег —
Черемуховый цвет!»

Как с гор ручей,
В душе моей
Моя любовь чиста.
Бежал я к ней
Немало дней.
И вот — не опоздал!

Как важно вовремя сказать
Вечерние слова,
Когда ей восемнадцать лет,
Тебе — лишь двадцать два!

* * *

Во тьме мирозданья светлея,
В глуши галактических карт
Планету по имени Гея
Любил астероид Икар.

Спокойно, без смеха и плача,
Ждала она брачных гонцов,
В зеленые кудри не пряча
Свое золотое лицо.

Цветочным июньским дурманом
Звала через черную тьму,
Дарила глаза-океаны
И смуглые горы ему.

А он за летучей невестой
Стремился стремительней стрел.
Нагнал ее где-то над бездной.
Припал. Задохнулся. Сгорел...

Но умер он, участью гордый!..
Кто это не видел вчера,
Смотрите, как падает мертвой
Настигшая матку пчела.

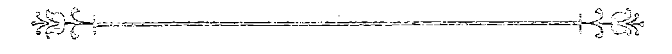
ДУХ СИРЕНИ

1

Ко мне на плечи хлынула сирень.
Как страсть твоя полночная угрюма!
И оттого она еще сильней,
Чем я ее нечаянно придумал!
В созвездиях мерцающих твоих,
Бессонных, осязаемо-упругих,
Звучат цвета, как будто струны их
Перебирают маленькие руки.
Тяжелая, пахучая волна,
Дарящая неистово и щедро,
Окутала плотнее полотна —
И убежать хотелось бы, но тщетно...
Таинственная женщина моя,
Твое лицо земное не пропало,
Каким желаньем душу напоят
Лиловых глаз лиловые провалы,
Твоя метаморфическая стать!..
Но где они, и как они зовутся —
Та воля, что не даст тебя измять,
Та сила, что не даст мне задохнуться?!

2

Приходит час, не знающий стыда,
И манит душу: выйди, босоножка!..
Ночного неба пылкая вода,
И в ней блестит серебряная ложка.
Отведай яств на скатерти равнин,
Светящейся спокойным, чистым светом,
Знакомый сад — неведом, а над ним
Дымит сирень и запахом и цветом.
Податлива ее голубизна.
Воздушна глазированная сдоба.
Крыльцо. С крыльца сойди. Иного сна
Вкуси, иного жара и озноба
От лиственной слоеной черноты,
От влажного луны прикосновенья,
От чувства, воплотившего черты
Весеннего земного тяготенья.
Ты хочешь знать... Сирень, и май, и высь
С расширенными смутными зрачками...
Как нежно и как властно входит жизнь
Упругими короткими толчками.



* * *

Зачем у городов мужские имена?
Ведь город женственен и так же изначален,
Как эта тишина из белого вина,
Как эти купола июньскими ночами.

Короткий чуткий сон задернутых гардин,
Полночная заря, скользящая по брегу,
Где талые дома сливаются в один,
Где небо, как сирень, опущенная в реку.

Купальская краса — и в силе, и в красе.
Ты папоротник взял — и клад уже известен,
Когда твоя душа, вся в утренней росе,
Займется от любви и воробьиных песен.

* * *

Вы не остались только именем
В дорожной книжке записной.
Я знаю — вы живете в Киеве...
А я живу в стране лесной.

Здесь сосны словно с неба падают,
Когда лежишь и смотришь на небо.
Горят их головы косматые
Холодным и тревожным пламенем.

Воронки. Лес, войной израненный.
Окопы в тишине нечаянной.
И наш карьер теснится гранями —
Боками смуглыми, песчаными.

И вспоминаю я Аркадию,
И скалы с выцветшими кронами,
И небо — синими аркадами,
И вас, давным-давно знакомую.

Над нами девочка с кошелкою,
С водой и желтыми початками,
И голос детский нитью шелковой
Дрожит под солнечной печаткою.

Вы пели мне, и вот запомнилось:
Барашки, ветер хворостиною,
И берег — не людьми заполненный,
А золотыми апельсинами.

* * *

Плоды, деревья, семена,
Травы вечерней седина,
Мы вас назвали неудачно.
Скажите ваши имена
В их первозвучье многозначном.

Чтоб в звуках отразилась медь
Лесного меда, запах сонный,
И семени подснежный свет,
И зной, и солнечные соты,
И непугающая смерть.

В названьях ваших вечный рост,
Гуденье пчел, качанье ос,
Мое в них что-то отразилось:
Мое движенье, мой вопрос,
Рука, седая от росинок.

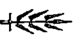
Миг изумленья — славный миг! —
Постигнуть дай чужой язык,
Дай в речи тайной разобраться!
Как радостны в зеленом братстве
Печали синих вероник.

Мои свидетели и судьи,
Я к вам пустился налегке.
Во мне чуть-чуть от вашей сути...

Скажите, как зовутся люди
На вашем хрупком языке?

* * *

Тем слаще мед,
тем сахаристей,
Яснее запахами
дня,
Чем больше солнца
стает в листьях,
Чем больше туч стечет
к корням.
Участвуй
в той метаморфозе,
В цветенье дерева
врасти,
Узнай, что лето
копит осень
Не для последнего
«прости».



ТИГОДА

Просыпалась речка Тигода —
Отзывалась речка тихо так.
Проплывало солнце медленно —
Не тонула в речке медь его.

Тишина ее прилипчива,
Что вода ее черничная,
Что гудение пчелиное,
Чуть задета электричками,
Чуть проникнута былинами,
Чуть шагами по мосткам ее,
Полосканьем и другим быльем...

А у дна вода — малиновая.

Берега ее широкие
В черных ягодах черемухи,
Да струей щекотно-шелковой
Хмель стекал в кувшинки желтые.
А над лугом, к лесу, сотнями
Дудки выбросили зонтики.
А над ломкою малиною,
Над лихой крапивой черною
Сухостой — рога лосиные
Светло-светлые, точеные.

А под вечер страсти разные:
Клевера зардеют марсами,
Дрогнут ящерками осыпи,
А бугры заблеют козами.

Быть лугам золотоглазыми —
Лягушата повылазают.
И туман — река без имени —
Хлынет с месяца, как с вымени,
Без конца, сливаясь в озеро...

И пахнет вдруг ранней осенью.

И всплывут холмы над Тигодой
Рыбой-кит, как в сказках водится,—
Между ребер пашни, выгоны,
Между глаз торчит околица.
Там Погост — деревня древняя —
Тихий остров за деревьями,
За светящимися копнами...

Ты когда была здесь вкопана?
Ты когда была здесь срублена?
Сколько раз звенела углями?..
И опять цветные россыпи.
Петухи!.. Живые... Господи.

ЗАРЯ

Не старицей ветхой
Славянская речь:
Красавицей девкой —
Такой не перечь!
Не квелой, а спелой —
Для легких родин,
Счастливою телом
Лучистым своим,
Росой облиянным...

Туманы бегут
С высокой поляны
На том берегу.
Сбегают и, словно
От бега устав,
Ложатся под склоном
В прибрежных кустах...

И дрогнули листья
В завесе вьюнков,
Как ныне и присно,
Как веки веков.

И воздух серебрян,
Как стан молодой,

Мерцает сиренью
Над мерной водой,
Над маревом веток,
Свисающих к ней,
Над свежестью, вдетой
В иголки хвощей...
Вода розовеет.
Сирень холодит.
Не стой ротозеем!
К земле припади.
Сторонятся ивы.
Чело на восход.

Игристое имя
Наполнило рот!..

Ты, речь моих дедов —
И горечь, и сласть,—
Еще до рассвета
С рекою слилась,
Зарей-заряницей
Тебе заиграть
На веслах-ресницах
Стригущими гладь
Глазами-ладьями,
Оставив просвет
В ночи — соловьями
Освистанный след,
Летящими борзо
По светлой воде...

Глянь — красное корзно [1]
На первой ладье!..

---

[1] Корзно — плащ (*древнерус.*).

Ты славно распелась,
Так пой же еще
Про млечную белость,
Про ягоды щек.
И брови союзны,
Лоб гладок и крут,
Как волосы грузно,
Как густо текут,
Как пахнет медово,
Как запах весом —
И дымом, и домом,
И сеном, и сном,
И тмином, и тиной
На тихом ветру,
И желтой овчиной,
Сопревшей к утру...

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Был рассвет так березов, так дымчат
и замшево-зелен,
Так раскатисто-трубен
и так напряженно-ветвист,
Что казался
седым, струнноногим высоким оленем,
Теплой мордой своей погруженным
в струящийся свист.

Как же долго я ждал...
Я его не увидел сначала,
Лишь почувствовал:
здесь! — по серебряной дрожи ветвей —
И, нащупав рукой оперенное горло колчана,
С тетивой словно выдохнул вместе:
лети и убей!

Не упал он,
а вдруг опустился в траву на колени,
Зарываясь ноздрями
и в листья ее и в коренья.
Не кричал, не прощался, а замер
мой белый олень...

Так зардела трава земляникой
горячею, ранней,
Так оплакан он был
молодыми Иваном да Марьей,
Что казалось,
над ним пел не я, а сам бронзовый день.

ОСЕНЬ

Осень звякает медью —
Ей монисто к лицу.
Повстречать бы мне ведьму
В поредевшем лесу.

Сквозь черненые ветви —
Лебединый полет...
Верю: ладная ведьма
Где-то близко живет.

Верю в вещую душу,
Что ширяет окрест.
Покажись мне — не струшу,
Дам колечко на перст.

Что подобна ты зверю,
Что спина — пополам,
Никогда я не верил
Византийским попам!

Не седые волосья —
Лживей не было лжи! —
Твои косы — колосья
Тяжелеющей ржи,

Губы — гроздью рябины,
А глаза — синий мед.
Да не всякий детина
Ведьму замуж возьмет.

Да не всякий полюбит,
Страх привычный гоня...
Ходит ведьма по людям,
Ищет ведьма меня!

Ведай, тут я, ответь мне,
Золотая кора,
Босоногая ведьма —
Ни кола, ни двора!

МОРЕ ИНКЕРИ

Мы сосны —
Скальды дюн и ветреных утесов.
Мы медленно скользим по камню и песку.
А море — солнечно, светло, желтоволосо,
С улыбкой, исцеляющей тоску.

И я войду в прилив по лестнице отлогой,
О море Инкери!..
За плеском рыбьих стай
Уйду в твои глаза с ленивой поволокой —
Прими меня, на верность испытай.

Мы — скальды!
Плачем
Мы,
Как только сосны плачут:
Следы горячих смол остынут на коре...
Но будет яркий день, и дюны, и удача —
Найдут твою улыбку в янтаре!

ЯРВЕСКИЕ ДЮНЫ

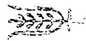
Распластались над берегом сосны,
Над песками повисли.
Так извилисты ветки и остры,
Словно в каждой — по мысли.

И завязаны красные корни
Смоляными узлами —
Наказали им дюны запомнить
И таить, что узнали.

Бережет безымянные святцы
Глаз тяжелый вороний.
Нераспетые руны таятся,
Как в ларцах, под корою.

Ничего в этих дюнах не канет —
Все останется с нами.
Схлынет море, и выступит камень
С молодыми стихами.

Помогите мне, дюны, в балладах,
Вам ли в памяти рыться!
...Ехал месяц в начищенных латах —
Храбрый маленький рыцарь...



РЫУГЕ

1. ОПУШКА ЛЕСА

Беги за мной — пригорок там,—
И нам никто не помешает:
Вокруг лишь небо и лишайник
Да облако, как белый храм —
Как белый храм, высокий храм,
Открытый солнцу и ветрам
Среди березового звона,
Томленья елей, всплесков клена
И дятлов стука по стволам.

Беги за мной из небылиц
Под крылья птиц в былины наши
Глаза наполнить, словно чаши,
Сияньем истины крупиц —
Нам предназначенных крупиц —
Потомкам птиц и предкам птиц.
И помоги, багульник пьяный,
Подлесье, полное тумана
От синих ягод-голубиц!

Как много синих-синих их! —
До солнца... на губах твоих...

2. СОЛОВЬИНЫЙ ОВРАГ

Не знать, что Эгеида есть,
Не слышать зов Архипелага —
И жить... И уж конечно здесь,
У Соловьиного оврага,
В котором вечная роса
Смешала с ветками коренья,
В котором птичьи голоса
Звучат, как в пятый день творенья,
Где солнца редкая руда
Сквозь полумрак поманит кладом,
И омут — мертвая вода —
Вдруг разразится водопадом
У старой мельницы, доднесь
Где пахнет зернами пивными,
Где, с мельников сбивая спесь,
Их жены спали с водяными
Среди дремучих купырей,
Среди некошеных осочин...
Когда б не знать, что есть Пирей,
Где и не ждут нас, между прочим.

3. ЧАЩА-ОЗЕРО

В. С. Шефнеру

Когда солнце сбегает с малиновых гор,
Проступает далекий зазубренный бор —
И не бор — бурый зубр! И рогами вперед!
И застыл над водой. И из озера пьет...

Когда солнце садится неведомо где,
Тучи — рыжие цапли в черничной воде —
Вместе с желтыми цаплями сумерек ждут,
А потом пропадают за рябью минут.

Ну, а если не верите — я ни при чем:
Даже старые липы устали от пчел
И закрыли глаза, будто им все равно,
Что от этого стало и вовсе темно.

И ложится трава без улыбчивых свах
Вкруг ракитных кустов на пологих холмах.
И исчезла трава. А сиреневый дол
Словно весь уместился в березовый ствол.

Птицы стихли. И щуки наелись ухи.
Еж крадется — ушами трясут лопухи.
И косясь, и храпя, и к дремоте клоня,
Бродят крыши бочком по обочине дня.

Вдруг заплакал ребенок... Зачем? Почему?
Или больно ему? Или страшно ему?
Только плач этот искренний нужен сейчас,
Потому что природа уходит от нас.

* * *

Я знаю: не вернуться нам
К тем всемогущим и всевышним
Черно-зеленым старым вишням,
К их августеющим плодам.

К себе, к ладоням в терпком соке,
К губам вишневым и щекам,
Туда, где тени, как чекан
На светлом поясе дороги,

Остались наши. Ты и я
Ушли в то утро от себя,
Нас дождь вобрал прохладно-жгучий,

Спалил нас вишневым огнем...

И то, что ныне мы живем,—
Необъяснимо долгий случай.

* * *

Прощай, Паланга! Ветер жжет виски.
Вы, стрелы сосен в дымном опеpенье,
Вы, солнцем обнаженные пески,
И город-куколка в июньской оперетте.

Вам, чаши дюн, в глазах моих светлеть,
Жалеть о каждой пролитой минуте —
Ведь в памяти, как в бережном седле,
Я увожу от вас мою Бируте.

Прибалтика — представшая другой,
Чем думать принято: со лба откинув ливни,
Вдруг радуга — отчаянной дугой,
Вдруг облака — пьянее белых лилий!

Вся в плавниках, и в крыльях, и в лучах,
И в голосах — дай в памяти не скомкать!
Последний раз волнистого ягненка
Я выношу на отмель на плечах,

Как добрый пастырь, добрым делом гордый.
И ловок я, и мне руно легко...
Как ветер твой завязывает горло,
Паланга, как все сине-далеко!

Тот синий день, под радугой звучащей...
Продли его, обжить его позволь!..
Я пью из памяти все более и чаще,
И губы мне не разъедает соль.

ЕРЕВАНСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Над Араратом небо чистое:
Дождя не будет, хоть умри!
Деревья наклонились листьями
К губам измученной земли.
И полдень вовсе не мечтательный,
И небо не из влажных смальт,
И вдавлен четкими печатями
Почти дымящийся асфальт.
Сестра моя, земля армянская,
И ты мне даришь хлеб и кров!
Земля с пожухнувшими красками,
Земля — свернувшаяся кровь.
А город, брат мой, тает в пламени.
Среди толпы безмолвных гор —
Он из героев, вечных в памяти,
Что поднимались на костер.
А город плавится... И чудится,
Что молот солнца бьет сильней.
Не здесь ли, как в гигантской кузнице,
Ковалось мужество людей?
И я кричу, закинув голову,
Вам, ветры северные, вам:
«Дождя земле и брату-городу!
Пролейся, небо, как Севан!»

АРМЯНСКИЕ МАЛЬЧИШКИ

Носилки, носилки, носилки с песком —
Мальчишки по трапу бегут босиком!
В неярком рассвете их плечи худые
Почти голубые... Совсем голубые!

Мелькают лопатки на узеньких спинах,
Цвет липких ладоней рябинов-рябинов.
Не звякает кружка о стенки ведра:
Эй, эй! Торопись! Наступает жара!

Мальчишки смеются — зубов-то, зубов-то!
Мальчишки смеются: сегодня суббота!
И странно серьезно альтовые горла
Выводят все: «Кармен, красою гордой...»

А солнце прошло половину пути —
Усатая морда, пылающий тигр!
Он желтой лавиной, он рыжей лавиной
Обрушится с неба на плечи и спины!

Мальчишки-тростинки бросают носилки.
По длинным ресницам сбегают росинки.
И — вниз! — где Раздан по камням кружевным,
Где радуга в брызгах трепещет над ним!

ДОЧЬ ЧАРЕНЦА

Мы слушаем стихи Чаренца
Уже который час подряд.
В окно гостиницы черешни
И звезды мокрые глядят.

Раздана дальнее стаккато,
Луны зеленое руно
Переливаются в стаканы
И превращаются в вино...

А речь гортаннее ущелий
Армянских обгорелых гор —
Да не унизит птичий щебет
Их иссеченных ветром горл.

За ней, в бессонных белых шрамах,
Тропою тюрем и крамол
Шла Революция и жгла нас
Глазами жаркими Камо.

И тесно в комнате и грозно —
Слова, широкие в кости,
Слова, поставленные в козлы,
Слова — папахи и костры.

А рядом радость ртом дышала,
И выла боль в пустой рукав,
И бронепоезд лез по шпалам
С клинком прожектора в зубах!..

«Свобода, смысл твой не наивен.
Ты — как трудом добытый стих.
Ты не забыла о Наири —
Стране прапрадедов моих.

И я не мог писать иначе
И жить иначе — до конца!»
...И дочь Чаренца тихо плачет,
Читая исповедь отца.

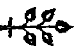
ЕДЕМ В ГАРНИ

Скачут красные всадники — это горы.
Горы в морщинах каменных — это годы.
Всадники вспыхнут саблями — это слюды.
В сизой долине садики — это люди!

Там под землей — источники, руд сверканье.
Там на земле — история в грудах камня.
А за трехтонкой облако бурой пыли,
Грузовичок наш крохотный — будто в мыле.

Мимо летят обочины в сером дыме,
Кирками бьют рабочие: смерть пустыне!
Руки покрыты золотом высшей пробы.
Будет дорога! Солоны были тропы...

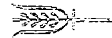
К вам, деревушки горные! Выше, выше!
Кузов бросает в стороны — кузов дышит.
Тучки вдали над склонами замелькали.
Солнце в Гарни — колоннами с завитками!



ЗАНГЕЗУР. ПЕЙЗАЖ С ОРЛОМ

Тот еще молодой, кто на песню набрел...
Чернокрылой ладьей гаснет в солнце орел.
У орла по бокам на весу по веслу.
Зной и звон:
Зурбаган, Занзибар, Зангезур.
Перезвон:
Зангезур, Занзибар, Зурбаган...
Вышибает слезу световой ураган!
Прокаленные днем ураганным огнем,
Мы с тобою идем караванным путем.
Горизонт, ореол, сердца частая дробь...
Не журавль, а орел —
наша радость и скорбь!
Он нас жизнью корил,
печень нам искромсал.
Желтой ризой горит князь-гора Ишхан-сар.
А за ней облачка оплывают Сюник,
Одинокий хачкар — подорожный тупик.
Здесь ли
постный купец встретил смерть веселу?
Здесь ли
поздний гонец налетел на стрелу?..
Скрип небесной арбы, гор верблюжьи горбы,
И не стынут следы закаспийской орды:

Ветер вдруг заспешит схорониться в ушах,
По степи зашуршит:
«Хорезмшах, хорезмшах!..»
Или ярый татарник прожжет пелену
И нежданною гарью хлестнет:
«Ленг Тимур!..»
А в траве, что, как ржавые гвозди, рыжа,
Только белые камни, как кости, лежат...
Зурбаган — ерунда, Занзибар — далеко.
Зангезур — перед нами! Смотри на него.



* * *

В горах, в палатке на ветру
Так вновь хотелось бы проснуться
И лбом к холодному стеклу
Седого неба прикоснуться —

И ждать... Ждать падающих звезд,
Как с подоконника, на склоне,
И, на стекле расплющив нос,
Стирать дыхание ладонью.

И мысли — лунные. Их свет
Ничто на свете не потушит —
Ни вопли пылкие лягушек,
Ни бред собак в ночном селе!

И сердце крикнет в темноту,
По-марсиански голубея:
«Сойди, судьба Кассиопея,
Сними с поэта немоту!»

ОХОТНИК И ДАЛИ

По мотивам сванского эпоса

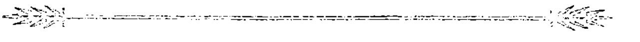
Над Ингури, над башнями сванов,
криком древней печали,
Рдяной страсти,
давно позабытой, сокрытой веками:
Подари мне сентябрьского тура,
солнцеликая Дали!
Подари мне сентябрьского тура
с золотыми рогами!

Из пещер обожженных,
по скалам, по заснеженной стали
Саблезубых гранитов,
где тучи стеснились быками:
Полюбить тебя сердца не хватит,
светлорукая Дали!
Подари мне сентябрьского тура
с золотыми рогами!

С медным эхом обвалов, камнепадов,
что смелость пытали,
От которых и грифы,
смутясь, уходили кругами:
Отпусти меня к пропастям синим,
зореглазая Дали!
Подари мне сентябрьского тура
с золотыми рогами!

По раскатистым склонам
ветры угли осин раскидали,
Виноград и кизил
запылали в полнеба стогами,
Вечер высветлен кленом:
простимся, желтокосая Дали!
Подари мне сентябрьского тура
с золотыми рогами!

Горы в масках медвежьих, как загонщики,
с копьями встали,
Быстроногий поток
нож охотничий точит о камень,
Забурели дубравы:
не держи, вечно юная Дали!
Подари мне сентябрьского тура
с золотыми рогами!



* * *

Мы поплывем, как аргонавты,
Нам снова прошлому грубить,
Перед зарей рубить канаты,
Заря нам будет в парус бить.

Нам позавидуют монархи,
Обеих Индий короли,
Когда неведомые арги
Отстроят наши корабли.

Нам бороздить иное лоно,
Нам тормошить иных богов!..
Но сколько звонкого озона,

Но сколько бронзового звона
В рассветном имени Ясона
Над сном колхидских берегов!

КОКТЕБЕЛЬ

В рассветных сумерках, в которых
Весь мир — как в капле молока,
До первых птиц вставали горы,
Облокотясь на облака.

Но раньше их, вершиной тая
В далеких перистых лучах,
Одна — воистину святая —
С зеленой шкурой на плечах

Ввысь поднималась, невесома,
Чтоб за спиной Хамелеона
Увидеть паруса излом

И руки смуглые, узлом,
Еще не тронутые злом,
На шее спящего Ясона.

БАХЧИСАРАЙ

...Све́тилась пыль, от солнца загораясь.
Светили стены в синих тупиках.
И снова я в плену Бахчисарая,
Плутаю в переулках, как в веках.

Я символов не понял первородства.
Наверно, вечно ссориться богам:
На что обречь я должен был потомство?
И крест кровав, и злобен ятаган!

Что понял я? Не ты, резная древность,
Влекла меня. И я шагнул в гарем.
И был гарем — как нерешенный ребус.
И жалок, и жесток, и горд, и нем,
Как евнух. В нем шло время без ночлега,
Без жажды...
                    Мать, стыдившаяся ласк
Отца,
        я жду черкесского набега
В тени твоих лесных мазурских глаз.
И, сытый солнцем, сердцем голодаю
Для крови, для осознанной вражды,

Что бросит в ночь,
в седло,
в галоп,
в Солдайю...
Прости меня! — и жди, и ворожи...

Я стал, как ты хотела, славянином.
Скакал и плыл — в горсть гриву степняка —
Туда, где Висла слушает былины
Косматого седого ивняка.

Я выжег Крым. Но что мне в этой мести,
Верблюды времени? Зачах нечистый рай.
Крест изломал исламский полумесяц...
Где мать моя?.. Молчал Бахчисарай.

И полдень был. Он бил бичом по чувствам.
И пьяное тепло — не радость, а порок.
Фонтан из слез казался мне кощунством.
И сжалась тень моя. И плакала у ног.

ЗЕМЛЯ И ЛИВЕНЬ

Ты ждешь. Ты просишь сумрака дневного,
Не ночи, не коротких летних зорь.
И ветер твой — язык всего земного —
Травы горящей слизывает боль.

Горячая, иссохшая по ливню,
Со страстностью, стесняющей вблизи,
Ты ждешь, и в остром запахе полыни
Твой жадный и пронзительный призыв!

И он придет. Могучий и покорный.
На плечи гор — их бурую гряду —
Он ляжет головой иссиня-черной
С серебряными прядями на лбу.

Веселый странник, ты огромен, громок.
Ты спрятал солнце под шуршащий плащ.
И ты вернулся. Тебя ждали дома.
Так плачь от счастья. Тебе рады — плачь!

К тебе лицо. В прохладные ладони.
Пусть небо, голубым огнем плеща,
Войдет в зеницы. Ты из сердца гонишь
По струям струи светлые плюща.

Моя Земля! Всегда живая Леда!
Кто смеет не постичь твоей любви?!
Войдем и мы в зеленый ливень лета.
Возьмем его. Мы тоже часть Земли.

2

РОДИНА

Просмоленные, холодные, корявые,
Показались вы мне предками-варягами.
Неразгаданного рода и без имени,
Поднялись вы
страшной стражею над Ильменем,
А навстречу шли дубы, теплы и кряжисты,
И смеялись смехом добрым, смехом ряженых,
И несли в глазах рассвет
над синим Ядраном
Прапрабабки мои, белые, как яблони.
Как вас встретили, веселые и рослые?
Только стража ваша встала между соснами.
Копья Севера и палицы Дубровника —
Здесь и жизнь моя, и смерть,
и Русь, и Родина!

ВЫРУБКА

Снова весь я пропахнул смолой и малиной.
Не ступить бы на горькие горсти рябин...
Полдень тает. Кузнечик бренчит мандолиной
О прохладном безветрии травных глубин.

А вокруг все стволы и пеньки в иван-чае —
Словно жадная отмель с останками днищ.
И лесные герани под пурпур не прячут
Изумленно-слепые глаза пепелищ.

Это вырубка. Сосны лишь прошлой зимою,
Рассекая тугую морозную синь,
Полегли... Вот они в желтизне зверобоя,
На зеленых руках однолетних осин...

Вы, обрубки, еще называетесь лесом,
Вам служить и служить сильным телом своим,
Вас пытать еще станем огнем и железом,
Звонколистый подлесок на гати сгноим...

Не по злобе сгноим тебя, мелочь лесная!
Лишь от удали птичьи падут города:
«Что стоишь, дядя Вась?
Что стоишь, мать честная?!
Да руби же, руби. Не жалей топора!..»

Пусть обрушится зной всех земных абиссиний.
Пусть усталость обнимет до звона в ушах.
Почему-то мне хочется так обессилеть,
Чтобы счастьем казалось бы —
просто дышать!

Чтоб не видеть, как ели трясут бородами.
Чтоб не видеть, как сосны сурово косят.
Да не будет и мне никаких оправданий
В теплых душах еще не рожденных лосят!

«Отпусти комелек. Дай-ка юзом вершину».
Гнутся покаты. Солнце течет по спине.
Чтобы воду не пить, а кусать, как дичину,
Чтобы только дышать,
прислонясь к тишине!..

Я в лесу с лесовозом. Работа простая.
Я в прорабской конторке в девятом часу
Расписался, что сосны меня не раздавят,
А березы дурной головы не снесут...

Просчитался!
Лес! Бывшая воля и пища
Для людей, для зверья, для пернатой братвы,
Я — твой грузчик,
но мне не по силам кострища,
Где дрожат кулачки обожженной листвы,

Где слезятся и корчатся корни и лапы,
Где им кожу-кору прогрызает огонь...
Да не стать мне отныне
ни искрой, ни лавой!
Мой поверженный лес, я раздавлен тобой.

* * *

Покинуть Землю — неизбежность.
Мы ждем, готовые к броску.
Но кто измерит нашу нежность
И нашу спящую тоску
По придорожным хрупким вербам,
Купавкам, солнцем налитым?
Но кто измерит нашу верность
Гвоздикам — звездам полевым,
Сиянью месяца за стогом,
Под крышей спящему стрижу,
Бегущему через дорогу
От страха храброму ежу?
Кто нам людей во тьме заменит?
Что мы почувствуем вдали,
Когда на смену всех затмений
Придет затмение Земли?!

ПАН

Был темен лес, и дрябл, и тонконог,
И, темнотою неба полустертый,
Казался мертвым... Нет! И был он мертвый,
Был стоя мертв, поскольку лечь не мог.
Лишь в краткие часы осуществленья
Возможностей всего наоборот
Он жил, пока петух не пропоет,
Промозглой, отрешенной жизнью тленья.
Но не его, себя я превозмог,
Когда вокруг без кожистой оправы
Хрустели кости, щелкали суставы,
Труха взвивалась вверх из-под сапог.
Сквозь хвойную изношенную ветошь,
Давно уже беспомощную ретушь
Сквозили то ребро, то позвонок.
И, ужасом моим очеловечась,
Показывая прыть не по летам,
Стеная, улюлюкая, калечась,
По собственным растерзанным телам
За мною по пятам пустилась нечисть!
И я бежал. Солгать себе не дам:
Я мчался, с каждой рытвиной тощая,
Я стлался, руки выбросив вперед,
Царапин и пинков не замечая,
Одни глаза локтями защищая...

Летел ли я? — сомнение берет...
Да! — пеклом рта окрестность освещая.
Исчезло и подобие дороги.
В низину, склоном не всегда отлогим
Лесные голоса меня несли,
Хотя и очень близко от земли,
Но все ж над ней,— они меня спасли,
Сочтя, наверно, пьяным иль убогим.
Здесь тьма переступала свой предел:
Лес отставал, рядами поредел
И встал вдруг, тяжело дыша от бега,
В испарине... Мерцали светляки,
Скрипучий колкий наст сменили мхи,
Лиловей, жестче мартовского снега.
Томилась темь. Багульник резко пах
Дурной, неосвежающею солью.
Рябило прорезною гоноболью...
Я задыхался. Пережитый страх
На раскаленных спекшихся губах
Откликнулся обидою и болью.
Что впереди? Как ноги уволочь?
За мною не чащоба, не трущоба —
Чудовищная липкая амеба,
Бесформенная тьмы и страха дочь,
Ворочалась, зевала во всю ночь,
Показывая трепетное нёбо.
Что было дальше, вряд ли передам.
...Неумолимо наползал туман,
Распространялся, оставляя мели,
По впадинкам, ложбинкам, еле-еле,
Как встари и не снилось пластунам,
Навстречу мне на взгорье неприметным
Подкрался и, негадан и нежадан,
Воспрянул и прикончил власть ума!
Презрев ее и выкриком победным...
Я с той поры с туманом в голове.

Здесь всем, быть может, в пору рассмеяться.
И губы мои вежливо змеятся,
Сочувствуя веселости вполне,
Тем более — уместной, просвещенной...
И кто-то из смеющихся, смущенный
Нелепым поведением моим,
Поймет, что смехом я неубедим,
И замолчит, сомненьем поглощенный...
Начало мысли! Миг раскрепощенный!
Немедленно воспользуемся им.
Подумаем немного, помолчим:
Постыдно ли, что мир мой — чуть смещенный?
За то ль, что, в тайных травках изощренный,
Я заслужу юродивого нимб?..
Сомнение! Оно всему виной.
Ведь то, что осязаемо и зримо,
Доступно мне,— и то, что будто мнимо,
Что стоило назвать бы целиной.
Поверь, воображаемое мной
От радостей людских неотделимо
И от печалей... Внешностью лукавы
Слова мои, смятенны, словно травы,
Двухсмысленный дождя и ветра сплав,
Грозы творенье... Не за ради славы
Я говорю: тот, кто всегда был прав,
Возможно, и не начинал быть правым!
Но если я в чем сразу убедил,
С налету вызвал бурное довольство,—
Довольство будет мысли не на пользу.
Для пользы — значит, мысль я оглупил,
И сам на удаленье от глубин,
И ложное внушаю!.. Беспокойство.
Сплошной туман... Но: в истине есть ложь,
И истина во лжи — как воздаянье.
Но если есть меж ними расстоянье,—
Хотя бы знать, в чью сторону идешь.

Есть истина в кукушки кукованье,
Далекая от смысла толкованья,
И в васильках, во вред пестрящих рожь.
Так что ж непостоянства постоянней
И знания такого окаянней,
И кто за эту мудрость кинет грош?
Туманно все... Вот смех и слезы рядом.
Казалось бы: сменяйтесь без помех
Законным очередности обрядом.
Ан нет! Не только в царстве тридевятом
За смехом — громовой гремящий смех,
А за слезами — слезы сущим градом...
Так для начала я других мерйл
Признал существованье с их обличьем,
Ни с чем не сообразным, утопичным...
Итак, туман, как я и говорил,
Пленил меня, взял языком язычник —
Всей радугой разбавленных белил,
То сиз, то синь, то зелен, то коричнев —
Он все кругом топил или палил,
И на бугры карабкался черничник,
И папоротник парусно парил.
И лес преображался постепенно.
Меня за час не взявшие на щит,
Сложив у ног и копья, и пращи,
Кощеи подозрительно смиренно
На мощи враз набросили плащи.
Мягчали мхи, подавшись откровенно
По щиколотку, где и по колено.
И в рост пустились тихие хвощи.
Так тихо тянет нитку шелкопряд.
Но помните: в сужденьях я предвзят,
Ведь я не кто-нибудь — язык тумана.
Пушными подбородками котят
Ласкались на пригорках листья мят.
Полянка, перелесок, вновь поляна.

Две елочки над нею постоянно,
Как духи взявшись за руки, летят.
Но я прошел над их четой воздушной,
Безропотный и грустно-равнодушный,
Для новых обступающих тревог
Свободных мест в сознанье не осталось,
А если что придерживал, то малость,
И я их не для *крайностей* берег.
Какой же от иных видений прок?
Примерзится ж такое спозаранку:
На сваях дом, как бледная поганка,
На цыпочках стоящий хуторок.
Откуда бы? Он — выморок, манок.
Избенка заколочена; под дранкой,
Без окон, без дверей, глядит подранком...
И на трубе, присмотришься, замок.
Не выглянет мужик из-под телеги,
Которой не было и нет... Мужик?
И что же он забыл в такой глуши?
Был приходящим — да и в кои веки!
Представить можно «милого дружка»,
Кому вот здесь «сережка из ушка»!
Бурьян — как песнь о конях черно-пегих,
Глазастый череп битого горшка —
Нетленный образ русского божка
Времен, когда ценились обереги...
И все-таки я, философски слабый,
К тому ж, бесспорно, сбившийся с пути,
Решившись к неизбежному прийти,
Глазами поискал Ягую бабу.
Но мимо неминучая напасть,
На этот раз судьба моя ехидна:
Бобылка погадала, очевидно,
И, бросив незатейливую снасть,
На булки городские подалась...
И радоваться надо, и... обидно!

И то обидно, что ученый кот,
Кого не заменила мне и школа,
Шарахнулся с остатков частокола...
Поодичал... Совсем, совсем не тот!
Уж песенку-мурлычку не споет,
Не смелет сказку тонкого помола.
...Как долго я кружил в лесу густом,
Сыром, блажном, до одури усталый,
Казня себя: мол, труся небывалый,
Мол, снова стал в тупик перед кустом,—
Стесняясь осенить себя крестом
Иль заговор припомнить захудалый...
За хмарой сгинул хутор обветшалый,
Душа, покинув тело, босиком,—
А я-то мнил, в чем вижу вред немалый,
Что я при жизни целен, несеком,—
Плелась поодаль, позади — мне на зло.
Нам путь тропил ребенок одноглазый,
Прикинувшийся раньше светляком.
Как не раскрыл я эту хитрость сразу!
Так мы и шли все трое — косяком.
Из вольных, волглых, выпуклых теней
Творил туман размеров несусветных
Летучих крыс, повисших меж ветвей,
Бродящих за кустами упырей,
Пронзительно визжащих, окрыленных
Зародышей, невинно убиенных
В неблагодарном чреве матерей.
А сколько надо мной склонялось мертвых,
До смерти в вере праведной нетвердых,—
Всех тех, кого коснулась злоба дней,
Забытых предков, плохо погребенных,
От правнуков стыдливо утаенных,
Без памяти о коих мы бедней.
А сколько было просто волколаков
И китоврасов в близком далеке,

Разбойных соловьев, свистящих раков,
Утопленниц, чей цвет отнюдь не маков...
Вон хмурый тать, нож в каменной руке...
Вон ведьма понеслась на индюке...
Бесстыжая красавица, однако!
Все льнуло, лепетало, холодило
Прыжками жаб, скольжением ужей...
Я весь — как двуединая мишень!
И воля душу с телом помирила,
И, что скрывать, не в первый раз уже.
И тело, как всегда, клялось душе,
Что уз их не расторгнет и могила.
...Туман звенел кощеевой казной,
Плясали девы облачные — вилы.
Невесть откуда, сам себе немилый,
Трусил дождишко мелкий — сеногной...
Но небо прозревало белизной,
Чем поначалу даже удивило...
А мальчик все манил меня, манил,
Неся на переносице гнилушку,
Он трижды наводил на ту избушку!
Да, знать, и хутор чары сохранил,—
Пока не вывел прямо на опушку
И тут пропал, а я лишился сил...
Я встал на узкой травной полосе,
Увидев незапамятное что-то.
Мой рот сводила странная зевота,
Надежда отлетала насовсем:
Передо мной во всей своей красе
Дымилось бесконечное болото.
...А на опушке, в водяной пыли,
Не ведая ничуть о пасторали,
Купальницы без устали играли
В пятнашки, им кивали упыри...
А ландыши давно уж отцвели.
Как пахнуть они в мае постарались!

Русалки юность черпали в росе.
В ракитнике возился коростель...
Так вот куда завел коварный малый!
Похоже, здесь растет цветочек алый...
Жук пробовал коробку скоростей,
С деревьев важно падала капель,
Храня в себе и яхонты, и лалы.
Заухал филин — мрачный лицедей,
А запахи от светлой медуницы —
Что кружево бессонной кружевницы...
Гусей бы мне, залетных лебедей!
...Из плеч пытаясь голову извлечь,
Я отвлекался, в правду не вникая:
Все совместимо — и беда лихая,
И внешне с ней не связанная речь.
Я двинулся. Вот первый шаг. Второй...
О, если б отгадать лесной пароль!
Но где-то, к состраданию глухая,
Взвопила выпь, несчастье накликая,
Лягушки поперхнулись мошкарой.
...Среди коряг с осклизлою корой,
Среди коры, давно уже бестелой,
Предутренняя изморось блестела
Текучею сиреневой горой.
И ржавый месяц падал, падал, падал
На хворый лес, пылая без тепла,
И два косых распластанных крыла —
Как знаменье нетронутого клада...
И проступила пьяная трава,
Звездчатка, с вероникой синей вкупе...
Кто знает их, куда, в какие глуби
Ведет меж ними вязкая тропа?
Задором одурманит и погубит...
И проступала белая ольха,
Вся в рубище, слезлива и горька,
Старушечкою с носиком утиным,

Синюшкою в платочке паутинном,
В перщатых рукавичках мягче мха.
И легкими касаньями незрячей
Отрогала меня, мой лоб горячий
Оплакала, глаза омыла мне,
Лохмотьями овеяла устало,
Несвязно, суетливо ошептала
И с миром отпустила — к полынье.
Внезапной осененный синевой,
Отпрянул прочь... И холод за спиной,
И хлюпкое хихиканье трясины —
И, падая на скользкие лесины,
В падении увидел над собой
Иную синь, в ней — вниз, от середины —
Денницы туесок берестяной...
Вдруг вспышка. Боль. И боле — ничего.
Один туман... Но вот он покачнулся.
Поплыл. Плыву.
Не сбиться б только с курса!..
Очнулся я не скоро, не легко.
Но — что важнее, кажется, всего —
Совсем не сознавая, что очнулся.
Не подивился, что сидел на пне,
Что приподняться не хватало духу,
Что весь в грязи...
Тростник забрался в руку —
В кулак — причудой, непонятной мне...
Что месяц отражался в том окне,
В которое я, стало быть, не рухнул,
Что музыка...
А может быть, не стоит
О музыке? Да ладно! Извини,
Мой старый лес, стремившийся в зенит,
Благослови сияющей листвою.
Сначала я подумал: так, пустое.
Наверно, в голове моей звенит...

Нет... Музыка! Из самых недр земли,
В которых я доселе слышал хрипы
Одни да сердце старившие всхлипы,—
Росла она... Какая? В той дали
Как будто вместе рядом зацвели
Фиалки, колокольчики и липы.
Такая... В ней, казалось, разбегись —
И полетишь шмелем или пчелою
Над прелью, над сосновою смолою.
В ней братья мне и дятлы, и стрижи.
В ней с полной сказок торбой расписною
Я продирался чащею лесною —
К ней! — всю свою отснившуюся жизнь.
Читал ли я иль слышал где давно?
Не помню — все еще в плену тумана:
«Мечта, обретши плоть, не столь желанна!»
По мне ж: сама мечта была с бельмом.
Моя же!.. Вскинул руки над окном
Болотным и... за ним увидел Пана!
Насупротив меня. Недалеко.
Над бездной, ровной к мужеству и страху.
С седых усов не стряхивая брагу
Росы, сидел он вольно, широко...
Как раньше не приметил я его?
Должно быть, сдуру принял за корягу.
Спокойствие из глаз его лилось,
Из голубых, по-молодому вешних,—
Не довелось мне видеть глаз безгрешней!
Так мог смотреть голубоглазый лось...
Из этих глаз, смотревших как-то врозь,
Один был строг, другой — почти насмешлив.
Пан спрашивал: пошто в его удел?
Заставы как прошел я и сторожи?
Далёко ль путь держу по бездорожью?
Взгляд спрашивал. И я был странно смел
И отвечал. А сам деревенел,

Сам чувствовал, что становлюсь все тверже.
И потому я с ним и не был нем,
Что перестал бояться, не был прежний...
И Пан ко мне как будто был не внешний,
Что трудно постижимо, вместе с тем...
Так, собственно, куда я и зачем?
Зачем я и куда, когда я здешний!
Так вырвалось. Я не придумал срочно.
Мой ум не отвлекался никогда
На связи: голод, жажда — хлеб, вода,
Что, очевидно, думалось, порочно.
...Я — здешний!
Как естественно и прочно...
Я изумился. Я захохотал.
И Пан зашелся — грохнув, как с небес,—
От внутреннего рокота и гула...
И вдруг его как будто ветром сдуло:
В лице переменился и исчез...
А смех остался. Колыхался лес.
С болота остро прелью потянуло.
Я приуныл. «Шуткует хитрый бес!» —
Так вслух сказал. И, словно на три слова,
Передо мной он появился снова.
Я хохотнул. И он опять исчез!
Все это вызывало интерес...
Тогда я погрозил ему сурово —
Для опыта...
Он повторил мой жест!
Да! Он был я... «Какие пустяки!» —
Я даже усмехнулся ледовито,
Но все же огляделся деловито:
Хм, на щеках — лишайники и мхи,
А на ногах уже не сапоги,
А добрые лосиные копыта.
И стар я был, как небо и земля,
И не было той старости научней!

Вот эти руки, страстные, как сучья,
В руках — свирель. В ней — музыка моя!
И юн я был: дождем входил в поля,
Ведь был июнь, за утром день пахучий!
Я засмеялся не без торжества,
Довольный новым обликом и здравством.
И для меня же смех мой был лекарством,
Оградою от злого шутовства.
За чувство беспредельного родства
Мой русский лес венчал меня на царство!

Для разума меня, конечно, нет —
Я сгинул в зыбуне антиутопий...
Утробный смех гремит в моей утробе:
Невероятный, сказочный навет!
Я есть. Я — Пан! — лесов моих поэт,
Моих лугов и непролазных топей!
Лишь здесь я *волен* жить, как я хочу!
А жить я не хочу, мне жить — *охота*!
Неистово! И дебри, и болота
Мне не позволят жизнь свести вничью.
Я — здешний. Я от мира здешних чувств.
Я вездесущ, с ногами скорохода.
И в вёдро — среди самых белых дней —
И в непогодь, когда дожди на марше,
Я видим тем, кто музыкой украшен,
И на зеленом языке ветвей
Им говорю: «Я — младший брат детей,
Но... взрослых я немножечко постарше».
Чу: с неба гусли-лебеди звенят!
Мне певчий дрозд подсказывает темы
Зари... Так пусть леса не будут немы.
Я здесь, моя пернатая родня!
О, как легко счастливого меня
Они выносят из стихов в поэмы!

ПОРОГ

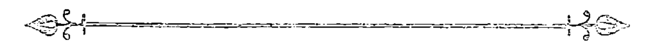
Встал, оглянулся в одночасье,
А жизнь — по-прежнему секрет...
У твоего порога, счастье,
Я протоптался тридцать лет!

И я не знал, что у порога!
Что дождь и пыль добры ко мне...
Пророкам счастье было соком,
Освобожденным из камней,

Свободой, пахнущею плахой,
Мечом, костром и верным псом,
Врагом, чернеющим от страха,
И человеческим лицом...

Оно приходит лишь однажды,
В ночи, под пулями Стожар.
И спросишь вдруг себя: ты жаждал?
Ты голодал? Ты уставал?

Оно поднимет в грозном танце.
Оно швырнет в бескрайний круг.
И ты войдешь в его пространство,
Через себя перешагнув.



ТЕНЬ

Не наступай на тень свою.
И не топчи ее. Не надо.
Ведь и под пулями в бою
Она с тобой проходит рядом.

Не презирай ее, хотя
Она легла тебе под ноги.
Она и совесть, и судья,
И добрый компас одиноким.

Вглядись в нее: она чиста
В грязи, в крови, как правый воин.
Она расскажет, кем ты стал
И что потеряно тобою.

И не вступай с ней в скучный спор.
Нахмурясь праведно и грозно,
За свой суровый приговор
Она в ответе перед солнцем.

* * *

О, сколько делаем мы зла
От опрометчивых суждений,
Поставив во главу угла
Непогрешимость общих мнений.
Что нас разнит от дикарей,
Как в букваре, как в детской сказке,
Мы мажем черной, белой краской,
Боясь прослыть за бунтарей.
И этот страх неизлечим —
Он в нас присутствует незримо.
Мой бог! Как мудро мы молчим,
Когда сказать необходимо.
Молчанье — золото, ему
Здесь меры нет — нельзя быть тише...
Благонамеренные мыши...
Как мы мудры — не по уму!

ПАМЯТИ АРТЮРА РЕМБО

Когда займется заря, мы, вооруженные пламенным терпением, вступим в великолепные города.

Ж.-А. Рембо

Город. Вокруг стены и стены.
Надвигаются и сжимают.
Обволакивают постепенно
И, угрюмые, угрожают!
Город. Вокруг стены и стены.

Слизь зеленая тротуаров.
Дождь — внакидку на голых ветках.
Дождь метет молодых и старых,
Очищая зловонную клетку,
Слизь зеленую с тротуаров.

Вечер. У кафе проститутка.
Котелки проплывают мимо —
Только ветер схватил за юбку,
А ведь он не даст ни сантима...
Вечер. У кафе проститутка.

На столе — бутылки, стаканы.
Сюртуки и в пудре и в пепле.
Мне понятно, зачем я пьяный
Задыхаюсь в дыму, как в петле!
На столе — бутылки, стаканы.

У Мадлен на губах гвоздики,
Платье — цвет боевого флага,—
Только я не могу постигнуть,
Почему мне хочется плакать?!
У Мадлен на губах гвоздики.

А кругом суетятся пятна,
Шевелятся липкие звуки,
И не скрипки скрипят, а внятно —
Животы, и плечи, и руки.
А кругом суетятся пятна.

«Я прочту вам стихи!» — «Тише! Тише!»
Тусклым смрадом качнулась зала.
«Я теперь ваших морд не вижу
За одним огромным оскалом.
Я прочту вам стихи!» — «Тише! Тише!»

«Вновь займется заря творенья.
Рухнут стены гнилых колодцев.
Силой пламенного терпенья
Мы достигнем Города Солнца!
Да займется заря творенья!»

НАСТРОЕНИЕ В СТИЛЕ КОРО

Великодушная погода —
Как степь ковыльная гладка,
И эта мягкость небосвода
От оренбургского платка.

Нет в этом сумраке изъяна,
Цветных смущающих затей,—
Один лишь козий пух тумана
В размытых контурах ветвей.

И чуток вольный ритм растений —
Какое чувство кривизны
Пространства! Сизый свет рассеян...
Дома, как пепельные сны,

Над пустырями... Слух разгружен...
Приспущен дым... И всплески ласт
Не разбирающего лужи,
В февральский врезанные наст.

Вдруг отпустило то, что мнилось,
Не разрушая, не маня,—
Так этой оттепели милость
Распространилась на меня.

Ничто в сознанье не дробится —
Так одинаково странны
И влажный рельс, и голос птицы,
И сам себе со стороны.

Чуть серебриста по звучанью
Зимы последняя ступень,
Уравновешенный печалью
Неторопливый лунный день —

Весь отрешенность, весь истома,
Без исступленных аллилуй,
Как медленный разряд без грома,
Как долгий, долгий поцелуй.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ШКОЛА

Я вернусь к вам, мессиры,
лишь на стеклах заплещется медь,
В час, когда облака возвращаются
медленным стадом.
Вот закончу с посольством,
так уж время найду умереть,
И на этот раз в веке по счету, условно,
двадцатом.

Дон Вечеллио, к вам я!
К вам, дон Пьетро! К вам, Татти, спешу!
За кормой — Порто-Лидо,
вдали — рукава и манжеты
Шитых солнцем каналов,
и рассеянный брызгами шум,
И размеренный рокот под сводами
нашей Лоджетты.

Гондольеру накиньте —
пусть для песен омоет гортань:
В багаже моем грусть, а она тяжелее урана.
Я в Московии зимней видел в окнах
алмазную грань,
О какой и не знают,
и ведать не будут в Мурано.

Не один я, дон Пьетро...
Но зачем же впадать в эпатаж?
Эта белая дама в пристрастье моем
неповинна.
Полно, мой Аретино,
не терзайте глазами корсаж...
Помогите взойти ей на пристань,
синьор Сансовино.

А теперь погодите... Дон Вечеллио,
вот и я сам...
Я вернулся к вам, padre...
Я знаю мечты утоленье:
В зыбком золоте полдня напишите ее,
Тициан!
И меня — синей мухой,
что спит у нее на колене.

* * *

Я уплываю по теченью
Прохлады мартовского дня,
Я вспоминаю Боттичелли,
Когда ты смотришь на меня,

И вижу воздуха текучесть,
Качанье талого стебля,
И дую в раковину, мучась
Губами выразить тебя.

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

Как вы прекрасны были, вы поймете,
Любимая!.. Кого из лебедей
Минует время, вырастив детей,
Застыть на миг в своем слепом полете

И в этот миг прозрения упасть?..
А вам не знать безвольного паденья!
Вам не грозят ни камни, ни забвенье,
Вас не поглотит яростная пасть

Отчаянья. Я подхвачу вас, выше
Вас подниму. Я — тот алхимик рыжий,
Что вам поможет молодость вернуть,

Откроет к ней невидимые двери...
Так почему ж вам в это не поверить —
Не сразу, не теперь, когда-нибудь?

2

Не сразу, не теперь, когда-нибудь.
Не в это, а в другое время года

Вы вспомните меня, как антипода,
Хотя бы потому, что жизни суть —

В единстве. Притягательная сила
Моей любви настигнет вас в ночи,
Расширит ваши спящие зрачки
И поразит, как нынче удивила.

Настанет утро. Стены разойдутся.
Лучи о стекла звонко разобьются,
Как сердце разбивается о грудь,

И примете вы ласку издалёка —
Она придет, легка и одинока,
Позвольте мне тогда на вас взглянуть.

3

Позвольте мне тогда на вас взглянуть.
Висков не постесняйтесь убеленных —
Ведь мрамор не пугал Пигмалионов,
И времени морщинистая муть

Передо мной бессильна. Я вас прежней
Увижу, изваяю, воссоздам.
Дыханье дам цветочное губам
И цвет опавшей с дерева черешни.

И прежняя вы будете всегда
Всем будущим, всем странствующим — та,
Как Беатриче, бабочкой в полете

Земного счастья — женского тепла,
Вставая в рост, как музыка — светла,
Из книжки в камышовом переплете.

4

Из книжки в камышовом переплете...
Представьте, что такая книжка есть! —
И если в ней не озеро, а лесть,
Как посуху ее вы перейдете,

Ведь лесть — мелка. Какая в ней корысть?
Когда б вас было лишним приукрасить:
Вы очевидны, как весенний праздник,
Как воплощенье слова «обернись!» —

Нет, утренней звездой среди созвездий
Вам в озере всплывать! И с ними вместе
Вам утешать любивших без вины

И урывать уставших от погони...
Я вынес вас в сияющих ладонях
Из бережной озерной глубины.

5

Из бережной озерной глубины,
Из бересты вы созданы — я знаю,
Как эхо дня — проталина лесная
В купавках, ожидающих луны,—

Их влажный свет и звон их отдаленный —
Светящееся звонкое руно...
И я нашел, что вы давным-давно
И в росте трав и мхов густо-зеленых.

О вас ли это, милая? О вас!
Ведь есть леса, исполненные глаз,
Вниманием распахнутые вежды

Моей непритязательной любви...
Но как неизмеримо выше вы
Моих стихов, вам посвященных прежде.

6

Моих стихов, вам посвященных прежде,
Я не писал, я их растил в душе
Кристаллами, и вот они уже —
Светил и тяжелей, и центробежней.

Я — проще их. Я просто вас люблю...
И вы просты, наверное, кому-то.
Но вы ему — не более уюта! —
Хоть это много: пристань кораблю.

Меня влечет не ваша простота —
Я вас люблю, и мне вы просто та,
Которая встречается все реже,

Которая мелодия, и ритм,
И Возрожденье... За прибоем рифм
Высокий лоб вдруг парусом пробрезжит!

7

Высокий лоб вдруг парусом пробрезжит,
Как сквозь туман летучая луна,
Как чувства над равнинами ума —
Часовнями седого Заонежья.

Вы были для меня одной из них,
Вы так же серебрились над равниной
И грели мир улыбкою старинной
Причелин, полотенец кружевных,

И восковых, и теплых, и текучих...
И я, как в небо, по незримым кручам
Сомнений, что превыше вышины,

Стремился к вам. И вещность обретали —
И руки, что меня не обнимали,
И губы, что не мне озарены!

8

И губы, что не мне озарены,
Откроются кощунственно-правдиво.
И руки потекут нетерпеливо
Вдоль рук моих. И голосом жены —

Невесты и любовницы желанней —
Вы скажете спокойно: «Я ждала,
Как воскресений ждут колокола...
Уже не ждут? Но, ведь известно, ждали.

Так я ждала. Так ждет средневеково
К порогу пригвожденная подкова,
Так моря ждет бегущая вода,

Так солнцем бредит Север полуночный,
Так семя ищет неба в черной почве! —
Я стану вашим зеркалом тогда...»

9

Я стану вашим зеркалом тогда.
Внимательней вглядитесь в отраженье:
В нем старости и смерти пораженье
Перед лицом апрельского суда.

В нем радостно-призывный ветер юга.
И в тонком половодье тонет лед.

И юный мир на цыпочках встает
И тянется — тугой после недуга.

Апрель. Апрель! Ваш образ вписан в месяц,
В котором только счастье что-то весит,
А прочее — легко, как никогда.

Он — с вами, что случается не с каждым.
И он вам не изменит, если даже
В холодной синеве пройдут года.

10

В холодной синеве пройдут года.
Бессонно. Торжествуя или мучась.
Встречать из ниоткуда наша участь
И провожать их снова в никуда.

Поэтов участь. Наших песен русла
Не высыхают, полные любви.
Но мы совсем не баловни судьбы:
Ведь плакать и смеяться — не искусство.

Предтечи неосознанных идей,
Нам воспевать и отпевать друзей
И колыхать чужие колыбели,

Вся наша жизнь — мерцание минут...
Любимая, так пусть о вас прочтут
И отдадут вам все, чем вы владели.

11

И отдадут вам все, чем вы владели,
Весна и осень, лето и зима.
Какого вы тончайшего письма!
Какая тишь разлита в акварели!

И вы идете этой тишине.
О, как же вы по тишине идете! —
В любом невольном вашем повороте
Еще глава о любящих во сне.

И в яви сна я видел и запомнил
И стонущий кордовский пылкий полдень,
И пестрый гам кочующей толпы,

И за чредой видений не из важных —
Мой невский город, и серьезных ваших
Глаз тишину, достойную молвы.

12

Глаз тишину, достойную молвы,
Не заслонят пустые славословья,
Ни сластолюбье — ложное здоровье,
Ни ложный стыд — сказать, что были вы!

И я любил вас. Вами был пронизан,
Но не разрушен праздно, не разъят —
Так дерево на кровле бытия
Скрепляет камни старого карниза...

Я вам обязан тем, что я вас встретил.
Все остальное мне приносит ветер —
И шорох туч, и запахи травы,

И светлые, и темные знаменья...
Но нет! Ничто ваш профиль не заменит
И гордую посадку головы.

13

И гордую посадку головы
Природа не дарит без размышлений.

И ею, чуждой мелких ухищрений,
Не всякий взыскан. Мы не таковы,

И те, кто нами избраны, случайны,
Как правило, и нам жестоко мстят...
Вы не из тех. Вы — мой летящий стяг,
Развернутый закатными лучами.

Сравнений я для вас не выбирал,
Они срывались с быстрого пера —
Других бы вы, конечно, не хотели.

Простите мне, что я вам преподнес
Тревогу замерзающих берез
И замкнутую бледность асфоделей.

14

И замкнутую бледность асфоделей,
Как оберег от злого колдовства,
Примите в память нашего родства,
Чтоб ваши губы не похолодели,

Не ровен час. Останьтесь же со мной
В моей стране, что так на вас похожа.
Мы будем с вами тенью придорожной
Палящим летом и огнем зимой.

Все повторится. И любовь... Опять!
И чей-то голос будет замирать
На самой что ни есть высокой ноте.

И вот, когда в потоке лучших слов
Уловите вы горечь этих строф,
Как вы прекрасны были, вы поймете.

15

Как вы прекрасны были, вы поймете
Не сразу, не теперь, когда-нибудь...
Позвольте мне тогда на вас взглянуть
Из книжки в камышовом переплете,

Из бережной озерной глубины
Моих стихов, вам посвященных прежде.
Высокий лоб вдруг парусом пробрезжит,
И губы, что не мне озарены.

Я стану вашим зеркалом тогда.
В холодной синеве пройдут года
И отдадут вам все, чем вы владели:

Глаз тишину, достойную молвы,
И гордую посадку головы,
И замкнутую бледность асфоделей.

* * *

В час закатный, суеверный,
В заповедные поры
Приходи к воде под вербы
Слушать тайные хоры.

Слушай трав и листьев гуды —
О твоей поют судьбе...
У тебя т а к и е губы!
Ч т о ты знаешь о себе?..

Ведь соскучилась по ласке —
Слушай донник с чабрецом:
Богородицей казанской
Наклони ко мне лицо.

Слушай: истина пристрастна
И жива любовью лишь —
В ризе ночи ты прекрасна,
В светлом трепете стоишь.

Ты меня без страха слушай,
Трепещи не от стыда,
Ты не по воду — по душу
По мою пришла сюда.

Звонкий звон во всей округе,
Ясны стеклышки огня...
У тебя *такие* руки!
Возложи их на меня.

Ты поцарствуй этим летом
От зари и до зари.
Ты поверь в себя... Хоть в этом —
Не в другом уговори:

Что родилась, мол, недаром
Я средь маковых полей,
Ветры, полные нектаром,
Ищут нежности моей.

Верю, речь твоя — не сводня,
Верю, в вербы отступя,
Что прекрасна я сегодня
Для бесстыдного тебя.

* * *

Как незаметно день проходит...
И вдруг внезапно — только ночь!
Ты в ней себя сосредоточь,
Ты к ней готовься, как к охоте.
Она придет — и ты падешь,
Как всем предписано когда-то.
Не усмехайся виновато:
И жизнь не ложь, и смерть не ложь.
И, как по Ветхому завету,
Всходя за ночь на сотни плах,
Ты победишь свой рабий страх,
Все силы выплеснув к рассвету.
А ночь без страха — только ночь:
Она тебя уже не мучит.
В последний миг жалей живущих,
На них любовь сосредоточь.
Они боятся за себя.
Их оплетает неизвестность —
Ведь смерть провидится им бездной
За черным ходом бытия.
А ты летишь! Где верх? Где низ?
Тебе, как в космосе, не важно.
Вот истина! — тебе не страшно,
Ты получил сто тысяч виз!

Неся в глазах земного дня
Вдаль отлетающую точку,
Ты бросишь смерти — оболочку
И крикнешь: «Ночь, бери меня!»

ДОН ЖУАН

Все клевета!.. И то, что мне неведом
Ни стыд, ни страх — два тонких вещества,
Эфир души живого существа...
Так есть я или нет меня? Суть — в этом.

И то, что, с бездной связанный обетом,
Я соблазнил трех дам — блажит молва —
Сверх тысячи, имеющей права
Кичиться вслух подобным же секретом.

Не мне провозглашать себя аскетом —
Я не был им. Я жил, томимый светом
Предчувствия — не явью! — божества.

О том и пел... Не хвастайте сонетом.
Он — не о вас. Он выстрадан поэтом.
В нем каждый стих превыше естества.

ДОНЬЯ АННА

Я, донья Анна, я тебя убила,
Как мне велел мой добрый духовник...
Потом сказал он: подвиг столь велик,
Что я свой грех с лихвою искупила.

Гроза провалы ночи углубила —
Тебя ждала... Но на постыдный миг
Яд опоздал, и твой предсмертный крик
Я приняла, когда уж уступила...

Тут молния как будто подрубила
Устои неба — леденящий блик!..
Кого же я так долго не любила?!

И в нарастанье грохота возник
В твоих зрачках мой исступленный лик...
Ты выпил все, а я — лишь пригубила.

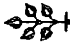
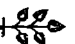
ЛЕПОРЕЛЛО

Как часто говорил он: «Лепорелло,
Вновь зеленеет утро, запах свеж,
Вон сьерра на пути моих надежд,
Вон облачко над ней зарозовело...»

«Сеньор мой,— подхвачу,— святое дело!
Вон дерево, под ним кострища плешь.
Вам в самый раз сказать: налей! нарежь!
Чтоб наша снедь без нас не сиротела...»

С тех пор намного ль солнце постарело!
А он переступил земной рубеж...
И я свое донашиваю тело...

Но лишь опустишь веки — как сквозь брешь:
Оливковое небо, птиц мятеж,
И конь его плывет в тумане белом!..

ДОН ИЛЬДЕФОНСО, ИЕЗУИТ

Выходит, есть и те, кто верит в яд?
Не возражаю — не имею права:
Земное — перед вечностью — отрава,
Апостольский неискаженный взгляд...

И не прелюбодей он, говорят?..
Да, простота и вправду не лукава!
Тогда ответьте: чья ж дурная слава
Вас обелит у чистых райских врат?

Допустим, он ни в чем не виноват.
Какая ж ваших милых ждет расправа?
Ведь птичий грех предстанет как разврат...

И здесь-то чародейство — сущий клад
Прощений: ибо там, где всем забава,
Лишь дон Жуан — за всех — увидит ад.

ДОН ДИЕГО, ЖИВОПИСЕЦ

Ему грозил святейший трибунал
За недостаток веры — вот причина
Того, что он пропал. Равно кончина —
Изгнанье или пыточный подвал...

А нам, невинным,— черт бы нас побрал! —
Подбросили, что он был кобелина,
Перед которым даже Мессалина —
Порядочности строгий идеал.

Подобный метод выше всех похвал!
Озлобив рогоносца-семьянина
До визга: «Что же власть!..
Где ж дисциплина!» —

Явить душеспасительный финал.
...Но как на эту удочку попал
Почтеннейший дон Тирсо де Молина?!

ДОН ФЕРНАНДО, ПРОФЕССОР ИЗ САЛАМАНКИ

Все сущее имеет свой предел
И не перечит заданной природе;
Так в семени, и в завязи, и в плоде
Очерчен круг разумных дум и дел.

Преступен тот, кто не по праву смел,
Как Фаэтон языческих рапсодий,
Не удержавший солнечных поводий,
Мир опаливший, прежде чем сгорел!

Бесчисленно несчастий в этом роде —
Для их ночных имен на небосводе
Давно уже не сыщешь звездных тел,

Немыслим также в ересях пробел...
Но... Дон Жуан пришел и восхотел
Прорваться через женщину
к свободе!

СЫН ДОН ЖУАНА

Что за судьба — быть сыном дон Жуана,
Скрывать свой герб, наследственную стать,
Молиться богу, с женщиною спать,
Которая сварлива и жеманна.

А между тем я помню постоянно,
Как не к лицу мне эта благодать,
И на меня с презреньем смотрит мать,
Единственная в мире донья Анна.

Родитель проклят... Но ведь нет обмана,
Где нет любви... А полюбив нежданно,
Он отдал все... И, словно время вспять,

Я слышу крик сквозь вопли урагана,
Сметающего звезды: Ты — ж е л а н н а!..
Пусть оживают камни, мне — плевать!

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Нерцев

ДНЕВНОЙ СВЕТ

1

2

Александр Рытов

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

1

2

Дневной свет:
Д54 Сборник стихов.— Л.: Сов. писатель, 1988.— 304 с.
ISBN 5—265—00265—0

Сборник включает стихи трех ленинградских поэтов: Александра Андреева (1923—1960), Игоря Нерцева (1933—1975), Александра Рытова (1934—1974), при жизни не успевших заявить о себе в полный голос. Вместе со стихами из их первых книг в сборнике помещена значительная часть их поэтического наследия, публикуемая впервые.

Д $\frac{4702010202—029}{083(02)—88}$ 185—88 **ББК 84.Р7**

ДНЕВНОЙ СВЕТ

Сборник стихов

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВ
ИГОРЬ НЕРЦЕВ
АЛЕКСАНДР РЫТОВ

*

Редактор И. С. Кузьмичев. Худож. редактор Б. А. Комаров. Техн. редактор Г. В. Мисюль. Корректор Ю. А. Бережнова.

ИБ № 6675

Сдано в набор 27.11.87. Подписано к печати 21.04.88. М 24151. Формат 70×100 1/32. Бумага офсетная № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 12,35. Уч.-изд. л. 8,17. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1258. Цена 1 р. 10 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.